

**ЖИТИЕ СВ. ФИЛИППА НЕРИ,
ОСНОВАТЕЛЯ КОНГРЕГАЦИИ ОРАТОРИАНЦЕВ**

о. Джироламо Бернабеи

*Пер. с лат. Philippus Neri, fundator Congregationis Oratorii Romæ (S.), Vita a. Hiero.
Barnabeo ex MS. // AASS Maii T. VI, p. 524-649*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА XXII. О ТОМ, ЧТО ОН С НЕСРАВНЕННЫМ СМИРЕНИЕМ ОТКАЗЫВАЛСЯ ДАЖЕ ОТ ВЫСОЧАЙШИХ ДОЛЖНОСТЕЙ, И СВОИХ УЧЕНИКОВ ПОБУЖДАЛ ПОСТУПАТЬ ТАК ЖЕ

[285] И не меньшую решимость, чем в пренебрежении к богатству, Филипп проявлял в отвержении почестей.

Деятельность его проходила в самом Городе, и столь явственно просияла святость его как пред всем народом, так и пред начальствующими мужами, что даже Верховные понтифики глубоко уважали его и чтили. Однако святой, несмотря на величайшее влияние среди всех сословий, так обуздал себя, что ни на волос не отступал от христианского смирения и добровольного самоуничижения: никогда не принимал ни должностей, ни доходных мест церковных, хотя ему неоднократно предлагали чины каноника в главных базиликах, первостепенные епископства, а в конце концов даже сан кардинала. Он, однако, с удивительной ловкостью и остроумием всё так устраивал, что легко проводил тех, кто предлагал [ему повышение], но при этом, отвергая столь [почётные и выгодные предложения], ухитрялся затем полностью избегать похвалы и славы людской.

[286] Но приведём лишь несколько примеров.

Григорий XIV, после [церемонии] восшествия на папский престол, когда к нему подходил Филипп, тут же ринулся ему навстречу и по-дружески обнял, а после долгой беседы в присутствии множества свидетелей зрителей взял ту самую биретту, которую сам совсем недавно носил, когда был кардиналом, и возложил её Филиппу на голову, сказав: «Te Cardinalem creamus (Мы назначаем тебя кардиналом)». Немедленно обернувшись к Марчелло Вестри, который состоял при Григории секретарём, папа приказал ему составить соответствующую грамоту. Тогда слуга Божий шепнул что-то на ухо понтифику, а затем, осыпав его забавными любезностями, отошёл.

Чуть позже понтифик всё равно отправил к нему гонца, который торжественно вручил ему биретту. А Филипп, прежде всего заверив его, что премного благодарен понтифику за такую честь, пообещал лично сообщить, когда придёт время ему принять сию должность. Причём он мягко отговаривал понтифика от задуманного именно по той причине, что тот затеял это не просто потехи ради, но взаправду и искренне, а выяснилось это как из признаний самого Филиппа, который не раз прямодушно рассказывал об этом случае некоторым из своих, так и по [свидетельствам] других, кто сие наблюдал собственными глазами. Итак, хотя понтифик постановил было возвести его в кардиналы, однако смирился с приведёнными им доводами и решил не склонять к тому слугу Божия силой.

[287] То же самое впоследствии очень часто пытался сделать Климент VIII. Итак, при вступлении в понтификат, когда Филипп подошёл облобызать ему ноги, папа в присутствии Джузеппе Каррадори, каноника Латеранской базилики, принял святого со всяческими изъявлениями любви и молвил: «Ну теперь-то тебе не избежать кардинальства!» А святой со свойственным ему благоразумием и ловкостью обратил в шутку то, что сказано было всерьёз, и так выпутался из опасного положения. Впрочем, понтифик в дальнейшем часто возвращался к тому же вопросу с неизменной настойчивостью.

[288] Хотелось бы здесь привести чрезвычайно любопытное письмо Филиппа к Клименту, и то, что Климент собственноручно написал Филиппу в ответ.

Итак, святой молвил: «Кто я такой, о блаженнейший отче, чтобы кардиналы приходили ко мне (*ср. Лк. 1:43*), как вчера вечером – Медичи и Кузано? Ведь, поскольку мне требовалось немного ладану, то кардинал Медичи позаботился о том, чтобы мне выдали две унции его из приюта Святого Духа, которому он сам подарил большое его количество. В тот же день он пробыл у меня до двух часов ночи и говорил о Вашем Святейшестве с таким почтением, что мне показалось, будто он совсем преступает пределы. Ведь несмотря на высочайшую должность Понтифика, вы должны вырабатывать в себе смирение. Христос пришел ко мне в седьмом часу ночи и вошёл в меня, а ваше Святейшество лишь один только раз заглянули в нашу церковь. Христос – Богочеловек, однако, когда я пожелаю, приходит ко мне, а вы – человек; вы рождены от человека праведного и благочестивого, Он – от Бога Отца; вы – от Аньезины, женщины благочестивейшей, а Он – от Девы Дев. Много у меня было бы ещё что сказать, если бы я поддался гневу. Повелеваю Вашему Святейшеству поступить согласно моей воле: я хочу от вас разрешения на то, чтобы определить в иноческую общину Торре-ди-Спекки дочь Клаудио Нери, ведь вы уже вы давным-давно обещали ему взять на себя заботу о его детях. Итак, полностью передайте полномочия относительно этого мне, то есть, чтобы я мог устроить дело со ссылкой на ваш авторитет, ведь я уже тщательно исследовал волю девушки и точно знаю, что сие намерение внушено ей исключительно вдохновением Божиим. Со всем сим, как подобает, низжайше склоняюсь ко святейшим вашим стопам».

[289] Таковы слова Филиппа. А Климент на той же бумаге собственноручно написал ему ответ.

Понтифик молвил: «Первая часть записки – та, в которой упоминаете о частых визитах к вам кардиналов – показалась мне проникнутой несколько честолюбивым духом; впрочем, возможно, это было сказано, чтобы подчеркнуть их благочестие, которое и так ни для кого не тайна. Ну а почему я не прихожу – в том вам следует упрекать самого себя, ведь вы этого не заслуживаете: сколько раз вы отказывались от кардинальского сана! Что же до вашего повеления, я согласен, чтобы вы сурово и со свойственной вам властью выбрали сих добрых матушек, если они не послушают сказанного. Со своей же стороны ещё раз приказываю вам позаботиться о здоровье и не возобновлять необдуманно трудов исповедника. И последнее: когда Господь придет к вам, молитесь Его и за меня, и за христианский мир, обременяемый величайшими тяготами».

Таков был ответ понтифика, что вполне согласуется со словами, сказанными Филиппом за несколько месяцев до своего преставления на небеса. Так, однажды он в дружеской беседе с Бернардино Коронай, светским членом нашей Конгрегации, молвил: «Мне, Бернардино, понтифик предлагает кардинальство. Что думаешь на этот счёт?» На что тот со свойственной ему откровенностью и простодушием ответил: «Право же, отче, мне кажется, что сей должности отвергать не следует, ведь, если не для чего иного, то в делах Конгрегации может сгодиться!» Филипп же тогда, обнажив голову и возведя глаза к небу, воскликнул: «А рай, Бернардино, а рай?» И Корона с тем же простодушием промолвил: «Извините, отче, я как-то не подумал даже...»

[290] Порою же и некоторым из своих учеников, что оценивали сии человеческие почести чересчур высоко и не разумели ещё «того, что от Духа Божия» (1 Кор. 2:14), говаривал: «Извините меня сыночки, но вот что я вам скажу, а вы примите как есть. Я, право слово, горячо желал бы добродетелей, кои свойственны кардиналам и понтификам, но предпочёл бы смерть подобным должностям».

Притом аббат Маффа, размышляя об этом отвержении всего мирского, утверждал, что к Филиппу подходит именно то изречение, что Иероним некогда написал о св. Иларионе: «Другие удивляются чудесами, совершенными им, – удивляются его невероятному воздержанию, знанию, смирению. А я ничему так не изумляюсь, как тому, до какой степени он мог пренебрегать славою и почетом», и в Филиппе это [свойство] казалось тем удивительнее, что он не в пустынях египетских укрывался, но [жил] посреди Города, где поводы к искушениям ближе, а потому они тяжелее и сильнее.

[291] Однако мало того, что сердце Филиппа было далеко от внешних почестей и достоинств, но он отрёкся также и от того, что ему в высшей степени причиталось. и что, казалось, вообще неотделимо от него как от главы Конгрегации. И хотя его уже давно, как мы говорили, его итогам общего голосования объявили вечным главой [Оратория], в итоге по смирению своему он за два года до преставления из этой жизни решил передать свои обязанности кому-нибудь другому. Итак, призвав отцов, Филипп изложил им, что было у него на уме: мол, он уже почти обессилен грузом преклонных лет, и бремени [начальствования] ему не унести; ему уже «сыграли отбой» (ср. напр. Т. Ливий, История от основания Города, XXXIV, 16, 3), и пора, наконец, собравши вещички, готовиться к отбытию. Поэтому, мол, ради пользы Конгрегации [отцам] следует принять меры, чтобы её возглавил человек более крепкий духом и телом. А отцы, которым была превосходно известна скромность Филиппа и смирение его, все единодушно воспротивились, заявив при этом, что никогда не позволят ему покинуть недавно основанную им конгрегацию, подобно жестокосердному отцу – слишком юную ещё дочь.

[292] Но тогда святой, видя, что словами тут ничего не добьёшься, призвал на помощь кардиналов (и, как мы уже говорили, своих дражайших чад духовных) [Агостино] Кузано и [Федерико] Борромео. Он попросил их сообщить о его просьбе понтифику, и, заручившись согласием последнего, они стали уговаривать отцов и в итоге убедили их избрать нового главу. Так было сделано: накануне нон июльских (6 июля) 1593 года, когда была созвана Конгрегация, присутствовали Кузано и Борромео, которые подтвердили отцам, что Филипп остаётся при своем мнении и что Понтифик поддерживает его; поэтому они должны уступить столь справедливому желанию Отца и принять его добровольное отречение.

Итак, отцы, не смея далее возражать (чтобы, не дай бог, не оказаться послушниками речения папского), через несколько дней снова собрались на совет, и, проведя голосование, объявили главою конгрегации Цезаря Барония, против чего не возразил никто, кроме него самого, который изо всех сопротивлялся и противостоял.

При всём при этом влияние Филиппа ничуть не уменьшилось, ведь все отцы и сам Бароний почитали его чуть ли не как родителя и ежедневно подробно докладывали ему обо всём, что случалось. Ну а он никогда не упускал ни единой мелочи, что могла бы оказаться полезной в управлении конгрегацией.

[293] А как он сам был далёк от стремления к почестям и достоинствам, так и своим ученикам горячо желал держаться от них подальше, особенно тем, кто вступал в Конгрегацию. Например, он с крайне неодобрительно относился к частым посещениям домов и дворов влиятельных людей.

Например, Джерманико Федели, муж, любимый вельможами за несравненное остроумие и обходительность, хаживал к ним, и хотя делал он это не иначе как по важному поводу, однако то и дело слышал от Филиппа: «Хотя ты, мой Джерманико, рано или поздно будешь жить при них, но не прелатом станешь». И эти слова оказались пророческими, поскольку Климент VIII, забрав Федели из Конгрегации, назначил его наставником и воспитателем сына своего племянника, Сильвестро Альдобрандини, который, будучи впоследствии возведён в кардинальский сан и, получив титул от церкви св. Цезария, удостоил и учителя своего чести быть каноником Ватиканской базилики, однако он, уже давно привыкший к уединению, отказался даже от сана каноника и зажил, внимая лишь Богу да душе своей.

Также он со всей строгостью придерживался того предписания священных канонов, что не позволяло никому из его учеников владеть несколькими церковными бенефициями, в связи с чем даже высших иерархов Церкви неоднократно увещевал и исправлял. У тех же, кто без уважительной причины подолгу отсутствовал в своей епархии, он отказывался принимать исповедь, сколь бы высоким саном они ни блистали. Вот почему кардинал Бароний оставил о нём, среди прочего, следующее свидетельство: «Филипп был таков, что мог с полнейшим бесстрашием обличать злодеяния, особенно среди прелатов и других высокопоставленных мужей, выбирая, однако, для этого подходящее время и место».

[294] Он то и дело заводил речь о суетности мира, а в качестве послесловия не раз приводил известное место из Экклезиаста: «Суета сует, всё — суета» (*Еккл. 1:2*). Нет ничего хорошего в этом мире» и т. п. Причём произносил он сии слова с таким пылом духовным, что они аж пронизывали души слушателей, и многие, вдохновлённые такого рода простенькими речами и наставлениями, оставляли попечение о мирских делах и с куда большим благоговением предавались христианскому подвижничеству. Молвил он сверх того, что презрение к богатству и славе особенно необходимо в Городе, ведь тут почести и достоинства ослепляют очи смертных суетным блеском сильнее, чем где-либо ещё.

В итоге Филипп стал настолько далёк от искания и алчбы земных благ, что часто говорил: «В этом мире нет ничего, что мне нравилось бы, а больше всего мне нравится то, что мне ничего не нравится». Ещё он часто говаривал, что мужей праведных (если они уже в силах хранить себя от всякого лёгкого греха) ничто не гнетёт так мучительно и тяжело, как вынужденная задержка в этом мире.

[295] Ну а презрение Филиппа ко всему земному и полное им пренебрежение происходило, во-первых, из того, что, будучи наделён божественным светом, он видел неизмеримо больше, чем может воспринять человеческий взор, и совершенно точно оценивал вещи соответственно их истинной значимости; во-вторых, из того, что о себе он был крайне невысокого мнения. Вследствие чего он называл себя негоднейшим из людей, причём утверждал сие с такой убеждённой уверенностью, что становилось вполне очевидно: говорит он от всего сердца.

Поэтому, если доходило до его ведома, что кто-то впал в тяжкое прегрешение, молвил: «О, вот бы я только не совершил чего похуже!» И именно по той причине он часто с особым вниманием читал жизнеописание св. Марии Египетской, что считал для себя чрезвычайно необходимым подражать обращению её и ревности в покаянном подвиге.

Сверх того он каждый день взывал к Богу так: «Господи, Тебе нынче меня стоит остерегаться, ведь я предам Тебя и совершу всякое зло!» Молвил ещё и другое: «Рана в боку Христовом велика, но если Бог самолично меня не управит, я наверняка её ещё расширю».

А собираясь принять Святое причастие, он так говорил про себя: «Свидетельствую, Господи, что ничего кроме зла сотворить не смогу, если Ты мне не поможешь». Молвил ещё помимо того: «Единственный способ подготовиться к литургии – признать, что по своей внутренней склонности ты расположен и склонен ко всем злодеяниям».

[296] Когда ж он болел, то в прежние времена говаривал: «Если Бог сохранит меня в живых, я попытаюсь, переменяв жизнь и нрав, вернуться на стезю добродетелей», - а в последние годы жизни, паче просветившись светом [мудрости] и уже лучше распознавая своё ничтожество, восклицал: «Господи, если Ты вернёшь мне здоровье, то я, насколько это от меня зависит, буду ежедневно падать всё глубже, ведь столько раз я обещал Тебе выбраться из пороков, но так ни разу и не сдержал слова. Так что на себя я положиться не могу».

Таинство исповеди он совершал не без преобильных слёз и часто повторял при этом: «Никогда я не свершил ничего доброго».

При виде юношей и молодых людей он не мог тотчас же не воскликнуть: «Ну и счастливы же вы! У вас ещё вдоволь времени творить добро, чего я никогда не делал». Почти те же слова он повторял, встречая порою монашествующих. «Ваше счастье, — молвил он, — что вы оставили мир! Ну а мне всегда не хватало духу». И другие подобные слова непрестанно от избытка сердца говорили уста его (*ср. Мф. 12:34*), и часто он при том приговаривал: «Отчаялся я в себе».

Так, встретив однажды двух иноков из доминиканского ордена, он вдруг попытался проскользнуть между ними, воскликнув: «Позвольте мне уйти, ведь я безнадёжен!» А они, приняв его слова близко к сердцу, схватили его и, крепенько держа, с величайшим дружелюбием уговаривали запастись терпением. Когда же отец увидел, как сильно они озабочены и встревожены его состоянием, он наконец улыбнулся и сказал: «Это я в себе отчаялся, а на Бога – надеюсь».

[297] Итак, с сим смирением в основании он мог не опасаться, что ветры тщеславия подхватят его (*ср. Мф. 7:27*).

Просила его одна чрезвычайно благочестивая женщина, молвив: «Мне хотелось бы, отче, иметь при себе что-нибудь из твоих вещей, ведь я знаю, что ты святой». На это он, сильно разволновавшись, с гневным лицом ей ответил: «Прочь! Я дьявол, а не святой!»

Однажды, когда он захворал, несколько сынов его стали упрашивать его и уговаривать, чтобы вознёс к Господу молитвы за своё здоровье и по примеру бл. Мартина сказал: «Господи, если я всё ещё нужен народу Твоему, то не откажусь потрудиться». А он гневно (вопреки своему обычаю) ответил им так: «Не буду! Да и не думаю, что я из тех, кто кому-либо необходим; мне это и на ум никогда не приходило! Ведь если бы я так себя расценивал, то, пожалуй, подлежал бы вечному осуждению».

Точно так же, когда он тяжело болел, заклинал его некий вельможа не покидать своих духовных чад, но помолиться Господу, дабы сохранил его подольше в здравии на пользу ближним. На это святой муж и истинный смиреннolюбец отвечал: «У меня и мысли никогда не было, что от меня кому-нибудь может быть хоть какой-то прок».

Тот же человек, размышляя о великих дарах благодати, которые Бог излил на слугу Своего, молвил: «Великие всё-таки дела, отче, творят святые». А он ему: «Не так говори; скажи лучше: великие дела творит Бог в святых Своих».

Другой же, открывая ему совесть свою, сказал напрямик: «Вот какое искушение, отче, меня часто обуревают: думаю, что не тот ты, кем тебя почитает мир». На что Филипп молвил: «Я совершенно такой же, как все люди, и ничем их не превышаю. Так что пусть не тревожит тебя такое искушение, ведь оно никакого значения не имеет».

[298] При этом, считая себя из всех ничтожнейшим, он с величайшей настоятельностью вверял себя молитвам всех и для того направлял в самые разные обители гонцов, чтобы те усиленно просили иноков возносить за него молитвы перед Господом. Именно поэтому он обращался с этим наипаче к новоначальным и послушникам. Кроме того, он при каждом затруднении заказывал мессы и с этой целью рассылал милостыни различным монашеским орденам, особенно же в праздники святых, с пожеланием, чтобы в таковые дни мессы служили в церквах, сим святым посвящённых, ибо таким образом он надеялся снискать то, что не осмеливался просить сам. Поэтому всё, что вымаливал у Бога, Филипп приписывал молитвам и заслугам других.

И вот однажды, когда он литургисал в храме св. Иеронима, там внезапно почувствовалось мощное землетрясение. На вопрос, услышал ли он этот грохот, Филипп ответил: «Наверняка эта старушка (она была единственной, кто присутствовал на службе) своими молитвами вызвала землетрясение».

По той же причине, когда он назначал спасительную епитимию тем, кто исповедовал ему свои грехи, иногда просил их посвятить часть епитимии ему. А неоднократно, если исповедующийся оказывался в священном сане, Филипп умолял такого отслужить за него мессу.

[299] Поскольку же мнения он о себе был скромного и невысокого, то напрочь отвергал добрые о себе суждения, и если вдруг слышал, что кто-то высоко его оценил, то молвил: «Беда мне! Сколько селян простых, сколько убогих девиц опередят меня в Царстве небесном!»

Например, один из его учеников, вернувшись из паломничества в Лорето, доверительно рассказал ему, что где бы ни проезжал, всюду оказывалось, что его

считают святым и горячо просят молитв его. Тогда Филипп воскликнул: «Беда мне, беда! О, если бы я был таков, каким меня считают люди!» И не было в тот день конца его сетованиям.

Он изо всех сил избегал почестей и похвал – как чумы какой, и от любых знаков уважения отказывался, не позволяя ни единому человеку, пускай даже самого низкого звания, стоять перед ним с непокрытой головой. И руки свои священнические он протягивал для целования (как это принято) только своим духовным сыновьям и близким друзьям, да и то неохотно. О духовных предметах он почти никогда не говорил с теми, кто был хоть сколько-нибудь известен святостью.

[300] Он ни за что не позволял нашим величать его префектом или ректором, а против имени «отец» отнюдь не был против, ведь оно выражает, скорее, любовь, нежели власть – и только этим простым именем члены Конгрегации ныне называют префекта.

Он также всегда отвергал титул «Основатель», считая его чуть ли не ругательством, а тем, кто порою заводил о том речь, решительно заявлял, что никогда ни о чём таком не помышлял, но что свершилось сие исключительно по вмешательству Бога, Который воспользовался им как ничтожнейшим орудием, дабы явить богатство славы Своей (*ср. Рим. 9:23*). Мало того, чем больше он размышлял об этом, тем сильнее удивлялся, как так вышло, что Господь изволил осуществить столь важное дело с его помощью.

[301] Состязания и соперничества он избегал всеми силами. Щегольства же и изысков, как в словах, так и в самих поступках, он настолько не любил, что придворного жеманничанья и краснобайства не мог вынести; напротив, христианская простота, в ком бы он ни встречал её, чудо как была ему по душе. Поэтому он никак не находил общий язык с мудрыми и разумными века сего, а особенно избегал хитрых, лукавых и лживых, равно как и лжи самой вкупе с обманом, часто увещевая своих учеников беречься сего, как чумы.

При обсуждении дел Конгрегации и других даже менее значительных вопросов он, несмотря на явное превосходство своего ума, всегда привлекал к обсуждению других, не только многоопытных, но и сущих невежд, и всячески настаивал, чтобы они выражали своё мнение.

Когда же замечал, что его презирают или считают ничтожеством, то радовался от души, часто припоминая себе известное речение апостольское: «Если кто из вас думает быть мудрым.., тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (*1 Кор. 3:18*). Поэтому многие мужи, да притом выдающиеся, считали, что к Филиппу можно отнести похвалу, высказанную некогда Григорием Нисским о св. Ефреме: «Он предпочитал быть, а не казаться».

[302] Поскольку же по его молитвам чрезвычайно часто, почти постоянно, творились Божии чудеса, он предпринимал невероятные уловки, скрывая их, так что почти никто за исключением очень немногих не замечал их вовремя. И как св. Франциск из Паолы использовал травы и другие подобного рода средства, чтобы скрыть свои чудеса, так и Филипп ежедневно творя чудеса, дурачился да балагурил, отчего казалось, что мысли его были далеко [при этом от Бога] – а ведь таким образом он попросту отвлекал внимание свидетелей от происходящего.

Поэтому-то многие, размышляя после его преставления на небеса о сих преславных деяниях и не понимая, каким образом у него всё-таки получалось утаивать и замалчивать до того явные свершения, с полным изумлением пришли к твёрдому выводу, что он, подобно другому Симеону Юродивому (*пам. 1 июля.*), вымолил сей дар у Бога. Ну а если вдруг кто поглазастее и примечал порой эти самые чудеса да знамения, то не осмеливался и пикнуть, боясь сказанным тяжко огорчить человека Божия. А часто при удобном случае, особенно в последние годы жизни, он говорил по душам Цезарю Баронию: «Знай же, Цезарь: страшно меня мучают те пустые слухи, что распускают обо мне люди; поэтому я Бога молю непрерывно, только бы Он не свершил он чрез меня ничего такого, что заставило бы кого-нибудь возомнить обо мне сверх очевидного. Если же и происходит порою что-нибудь выходящее за пределы обычного и естественного, то это, на самом-то деле, не по моим заслугам, а в ответ на веру других».

Он часто навещал больных, и когда порой они просили его возложить на них руки или помолиться над ними, он не без стыда и скорби молвил: «Они требуют у меня знамений и чудес (*ср. 1 Кор. 1:22*), а я-то ни слухом ни духом!»

[303] Наконец, таково было смирение Филиппа, что он, насколько это было в его силах, старался никому не быть в тягость, а если порой и приказывал что-нибудь (о чём мы упомянем ниже), то это выглядело, скорее, как просьба, чем повеление. В обхождении он был чрезвычайно приятен: любезен, остроумен, и говорить с ним было весело.

Если он сам не справлялся с какими-либо обязанностями или делами и ему в итоге приходилось поручать их другим, делал он это крайне неохотно. И вообще соблюдал всяческие предосторожности, чтобы не дай бог доставить кому-нибудь неудобство. Так, например, если ему вдруг требовалось ходить по комнате, он надевал шерстяные тапочки, чтобы не доставлять даже малейшего беспокойства тем, кто жил под ним.

Гордыней и высокомерием он гнушался, пожалуй, паче всего; и хотя готов был раскрыть объятия распоследним грешникам, дабы всех приобрести Христу (*ср. 1 Кор. 9:22*), однако заносчивых и надменных духом тщеславия, казалось, терпеть не мог.

Короче говоря, смиренномудрие его было столь велико, что он уподобился в этом св. Фоме Аквинскому, о котором не без удивления читаем, что он вообще никогда не ощущал ни малейшего побуждения к тщеславию.

[304] Ну и всем сердцем стремился он привить ту же самую добродетель чадам своим духовным, и подобно тому, как св. Иоанн Евангелист постоянно внушал [ученикам]: «Детки, любите друг друга» (*согласно житию. – прим. пер.*), так и Филипп неустанно повторял своим: «Будьте смиренны, «не высокоумствуйте, но последуйте смиренным» (*Рим. 12:16*).

Поэтому, когда однажды Таруджи, как обычно, говорил проповедь перед народом и с великим жаром духовным стал описывать многочисленной и благосклонной публике, как это прекрасно – сносить несчастья Христа ради, Филипп, который по своему обыкновению сидел неподалеку от кафедры на деревянной табуреточке, затрясся и задрожал всем телом и тут же вскочив, принялся бить ладонью в стену,

чем привлек к себе всеобщее любопытство и внимание. Наконец, по завершению проповеди он сам поднялся на возвышение и громко заявил, что ни ему, ни кому-либо из его учеников тут совсем нечем хвалиться, ведь никто из них ни единой капли крови за Христа не пролил; наоборот, каждый из них от служения Богу получил множество почестей и достоинств. И наговорив ещё много чего в том же духе, он наполнил души слушателей огромным удивлением.

Кроме того, Филипп увещевал и настаивал, что ни в коем случае – всерьёз ли, в шутку ли – нельзя ни словца обронить, что могло бы послужить к самовосхвалению или самовозвеличению.

[305] Если же кто-нибудь вдруг узнавал, что другие приписывают себе свершённое им добродейние, [Филипп утешал обиженного, говоря,] что тут отнюдь не огорчаться нужно, а напротив, радоваться – ведь то, что несправедливо похитили люди, будет с избытком возвращено Богом.

Часто также он говорил своим ученикам: «Направляйте помышления ваши ко Господу, и Он сам соделает вас достойными служителями в тех делах, к которым вас предназначил». Кроме того он увещевал каждого из них горячо молить Бога, дабы, если ниспошлёт им какие дары или милости, то пусть останутся они незамеченными – так они смирение сохранят и тщеславию не поддадутся. Поэтому же, если вдруг кто проговаривался о похвальных для себя [достижениях], Филипп сразу же окорачивал такого, говоря: «Тайна моя – для меня, тайна моя – для меня» (*Вульг. Ис. 24:16*). Помимо того он молвил: «Если кто заигрывает с греховным соблазном и не боится падения – это совершенно явный признак, что он непременно низвергнется». Поэтому следует то и дело вопиять к Богу из глубины сердца: «Господи, не видать Тебе от меня ничего доброго, ведь я непременно паду, если Ты не поможешь мне! Господи, не ожидай от меня ничего, кроме зла!»

Когда же речь шла о искушениях, он утверждал, что никто не должен полагаться на себя, мол, «я сделаю то да сё». Вместо этого следует смиряться и говорить: «Я, конечно, хорошо понимаю, что мне надлежит делать, но что действительно сделаю, того напрочь не знаю».

[306] При таинстве исповеди он особенно настоятельно советовал прежде всего признаваться в самых тяжких грехах, ведь таким образом бес весьма постыжается, а сие великое таинство проходит куда плодотворнее. Но ничто не вызывало у него большего отвращения, чем слышать, как кто-нибудь пытается так или иначе оправдать себя. Ибо, по его словам, всем, кто стремится жить праведнее, совершенно незачем на каждом шагу искать себе оправданий, а скорее следует, обвиняя себя, просить прощения, даже если они ничего предосудительного не совершили. Ещё, когда кто-либо пытался представлять ему те или иные извиняющие обстоятельства, он того в шутку обзывал Евой – в честь прародительницы (*см. Быт. 3:12-13*).

Кроме того, самым действенным средством против греха он считал умение обуздывать честолюбие. Когда же доведётся выслушать упрёк за что-нибудь, не следует из-за того чрезмерно печалиться, ведь часто (как молвил он) мы сильнее грешим, когда печалимся из-за упрёка за грех, нежели когда сам грех совершаем, поскольку такая чрезмерная печаль проистекает исключительно из гордыни. Вот почему он предписывал всякому, кто пал, прежде всего прийти в себя и воззвать из глубины к Господу (*ср. Пс. 129:1*): «Был бы я смирен, не пал бы».

Но не одобрял Филипп и умонастроения тех, кто, не иначе как полагаясь на собственные силы, дерзновенно выпрашивал у Бога мучений, но полагал, что уместнее просить терпения на случай, если мучения внезапно нагрянут. Помимо того, он считал, что нет ничего опаснее для тех, кто только вступает на духовный путь, чем сразу братья за роль учителя и раздавать другим указания, как следует жить.

[307] Ну а чтобы полностью избежать порока тщеславия, он велел каждому заниматься своими излюбленными благочестивыми упражнениями в своей комнате, а не в открытую, взыскуя духовных услаждений. Притом всего, что могло бы показаться необычным или диковинным, следовало со всем тщанием избегать, ибо такие действия чаще всего порождают и питают духовную гордыню. Однако [он также предупреждал], что не следует отказываться от добрых начинаний только из-за того, что они могут повлечь за собою тщеславие.

А тщеславие (обобщая учение Отцов) бывает трёх видов. Первый вид Филипп величал «госпожой», поскольку оно обычно предшествует самому поступку и даже направляет его к себе как к главной цели. Второй же вид он именовал «подругой» (*sociam*), так как сие тщеславие лишь сопутствует поступку. Ну а третий, наконец, вид он называл «служанкой», поскольку таковое тщеславие возникает в начале дела, однако едва оно появится, его сразу же можно и подавить: взять и, пока оно ещё «младенец», разбить о камень (*ср. Пс. 136:9*). Поэтому он постоянно напоминал своим ученикам: «Берегитесь, сыночки, тщеславия, как бы оно мало-помалу не стало вдруг госпожой».

Множество и других наставлений давал Филипп, стремясь удержать своих учеников в смирении, но дабы книга не разрослась чрезмерно, разумнее будет, пожалуй, их опустить.

ГЛАВА XXIII. КАК ОН УПРАЖНЯЛСЯ В ПОДВИГЕ УМЕРЩВЛЕНИЯ ГОРДОСТИ И УЧЕНИКОВ СВОИХ УПРАЖНЯЛ

[308] Однако же мало было Филиппу сего смирения, он сопровождал его добродетелью, которую называют умерщвлением (*mortificationis*), и довёл её – как в себе, так и в учениках своих – до таких высот, что все заслуженно величали его мастером этого подвига.

Итак, для него не было ничего важнее, чем выставлять себя перед всеми в ничтожном и презренном виде. Исходя из этого замысла, он часто говорил и делал то-сё, что могло сойти за проявления крайнего легкомыслия, хотя те, кто внимательнее приглядывался к его поступкам, легко распознавал в них «разумную глупость», ведь при всём при этом премудрый муж по Божию наставлению превосходно владел собой и руководил своими учениками.

Например, он всегда носил в теле мертвость (*mortificationem*) Господа Иисуса (*ср. 2 Кор. 4:10*) внутренне и внешне, так что часто пускался в пляс на глазах у знатных людей и даже кардиналов, причём, как правило, не только в домашнем кругу или уединённых местах, но прямо дома у этих вельмож, на улицах и перекрестках.

Так, первого августа видели, как он танцевал на площади у церкви Св. Петра-в-узах посреди толпы разномастного люда. Некто, ошарашенный этим зрелищем и не

смекнув, в чём дело, молвил: «Гляньте-ка на этого старого придурка!» То-то было радости слуге Божию от столь явных насмешек над собой и глумления!

[309] Шёл он однажды по Городу, случайно натолкнулся на водоноса и тут же, схватив за его руку, стал прямо посреди улицы униженно умолять, чтобы дал попить. Тот согласился, а Филипп, сняв с осла огромный кувшин, припал к нему губами, что вызвало огромное изумление как у самого водоноса, так и у всех прочих, что сбежались на это поглазеть.

В какой-то другой день он посреди многолюдной римской улицы встретил бл. Феликса из Канталиче (*пам. 18 мая*), величайшей святости мужа из ордена капуцинов, и тот после обоюдных приветствий и объятий спросил его, хочет ли он пить. «А хочу!» – молвил отец. На что Феликс ему: «Теперь-то я выясню, правда ли ты радеешь об умерщвлении!» И сказав сие, протянул ему плетёнку, которую носил на плече. А Филипп тут же взял сосуд у него из рук, поднёс к губам и пил. Рядом оказалось немало людей, и наблюдали они за происходящим без малейшего возмущения, ибо молвили: «Ну-ка, неужто святой напоит святого?» Тогда уж и Филипп сказал Феликсу: «Ну а теперь и я выясню, радеешь ли ты об умерщвлении!». И сняв с себя шляпу, нахлобучил её капуцину на голову и велел идти восвояси в таком виде. На что тот ответил: «Я-то пойду, но уж сам гляди: а вдруг у меня шляпу стащат?» Итак, он продолжил свой путь, странным образом принаряженный, и отошёл довольно далеко, когда наконец Филипп, основательно убедившись в его добродетели, не послал за ним забрать шляпу. Так и осталось под вопросом, кто из двоих проявил больше самопрезрения.

[310] Кардинал Альфонсо Джезуальдо, искренне любивший Филиппа, в морозную зиму подарил ему дорогую шубу с собственного плеча, предписав обязательно носить её, ведь Филипп уже старился, а исповеди принимал почти непрестанно. Святой послушался и носил её целый месяц, расхаживая в эдаком роскошном наряде с важностью и нарочито красуясь, словно павлин – естественно, напрашиваясь на насмешки со всех сторон.

Ещё был случай: Филиппа однажды пригласил на обед кардинал Александрино, и он привел с собой одного из своих учеников, а тот в качестве своего взноса в пиршество принёс горшок чечевицы. Когда же все расселись, Филипп повелел поставить тот горшок посередине стола. При этом кардинал, прекрасно знавший слугу Божию, настолько был далёк от обиды, что даже пожелал отведать сего угощения наравне с другими.

Ибо хотя блаженный отец и старался такими ухищрениями навлечь на себя презрение, однако часто выходило наоборот, потому что его дивная святость и благоразумие были почти повсеместно известны.

[311] В тот день, когда в нашу церковь с торжественным шествием свершалось перенесение мощей свв. мчч. Папия и Мавра, стеклось туда, как я прежде говорил, великое множество народу. Филипп, вне себя от радости, ожидал мощи в дверях храма и тут вдруг подступил к швейцарскому гвардейцу, одному из тех, что по приказу Понтифика присутствовали при этом священном действе, и начал гладить и теревить его бороду (а борода, надо заметить, была у гвардейца роскошная – аж до середины груди). Так святой стремился с духовным плодом принять мощи

мучеников Христовых, а на самого себя, если выйдет по задуманному, навлечь насмешки и поношения людские.

По тем же соображениям он однажды, велев выбрить себе только одну часть лица, вышел на люди полубородым, при чём держался так важно и торжественно, будто вырядился бог весть как пышно. Неоднократно он также вызывал к себе Джулио Саверу, светского члена Конгрегации, и в окружении множества людей приказывал стричь и расчесывать себе волосы и бороду. При всём при этом на глазах у зрителей охорашивался, нахваливал мастерство стригущего и многократно повторял: «Вот теперь-то причёсочка у меня что надо!»

Часто в окружении ватаги учеников он выходил из дома, держа перед собою в руке изрядных размеров букет цветущего дрока, делая посмешище как из себя, так и из спутников.

Нередко он вопреки всем обычаям ходил по Городу в одной лишь сутане, без плаща.

Иногда же, в присутствии множества слушателей, причём, что важно, и учёных, он читал вслух, допуская те или иные ошибки в произношении.

В итоге почти не случалось дня, чтобы он, выйдя из дома, не совершил чего-нибудь себе на поношение.

[312] Даже и дома не было для него ничего естественнее, чем упражняться в добродетели умерщвления [гордости]. Но чтобы не затягивать повествование сверх должной меры, ограничимся лишь несколькими примерами.

Так, часто можно было застать слугу Божия в комнате обутым в белые туфли слишком большого размера, в маленькой биретте и красной сорочке до колен. И таком виде он принимал всех, кто приходил к нему, независимо от того, каким они были наделены званием.

В праздничные дни он иногда спускался в храм в плаще наизнанку и биретте, надвинутой на лоб, а иногда надевал шёлковый нагрудник, который некогда нашивал святейший понтифик Пий (пятый с сим именем).

В довольно похожем виде он явился на люди 8 сентября, в каковой день в нашей церкви с особенной торжественностью отмечается праздник Рождества Богородицы Девы. Когда же на вечерню собралось множество кардиналов, внезапно в хор вошёл Филипп в своём нелепом облачении. Кардиналы, однако, при его приходе в знак уважения тут же поднялись и заспорили между собой, ибо каждый хотел бы усадить его обок себя. Но он, желая совсем иного, с улыбкою молвил: «Мне будет более чем довольно, коль позволите расположиться среди тех вон служек» (*дословно caudatorios, т.е. тех, кто поддерживает длинный шлейф кардинальского плаща во время литургии и процессии. – прим. пер.*). И вот он оставался у ног кардиналов в своём вышеописанном наряде до окончания вечерни, что присутствующим дивным образом вразумило, нисколечко их не оскорбив.

[313] Именно для того [чтобы выставлять себя в нелепом виде] он держал дома книги, полные новелл и анекдотов, и когда к нему приходили высокопоставленные лица, он нарочно просил почитать себе что-нибудь из таких книг и с глубочайшим

вниманием внимал чтению, делая при этом вид, будто сие доставляет ему огромное удовольствие.

Прибыли в Город на богомолье несколько знатных господ из Польского королевства, и Климент VIII, Верховный понтифик, направил их к Филиппу, дабы поглядели они на его добродетель и святость. Так вот, едва ему доставили весть об их приходе, он тут же велел какому-то из своих учеников взять одну из таких книг и читать ему, пока не скажет иначе. Итак, когда гости явились, слуга Божий встретил их словами: «Прошу чуток обождать, пока дочитают эту новеллу». А во время чтения заметил: «Ну чем не славные книжки меня научают? А какие душеполезные у меня тут трактаты!» И добавил ещё несколько подобных замечаний, странным образом уклоняясь от бесед на духовные темы. Поэтому те вельможи, в полном недоумении переглянувшись, покинули его. Тогда лишь святой велел чтецу отложить книгу и молвил: «Готово; всё у нас вышло, как нужно!»

[314] Мало того, что у Филиппа были такого рода книги и он распоряжался читать их себе вслух, когда к нему заходили высокопоставленные особы, но и сам он, всякий раз, когда представлялась возможность, рассказывал, что они у него есть, чтобы ради Христа казаться всем дураком (*ср. Вульг. 1 Кор. 4:10*).

Зашёл он как-то раз к Джулии Орсини, о которой мы упоминали выше, и встретил там графа де Оливареса, посланника испанского короля, с женою. И вот она слово за слово (ведь пол женский любознателен до чрезвычайности) спросила Филиппа, как давно он оставил мир. На что он ей: «Да я, собственно, насколько мне известно, так его и не оставил». После этих слов, обратившись к Антонио Галлонио, которого он привел с собой, Филипп молвил: «Скажи-ка, Антонио, разве не любитель я доброго чтения: поэтов да сочинителей?» – «Так-то оно так, – последовал ответ, – но ведь иначе у тебя, отче, не получалось бы умерять пламя любви божественной?» Слуга Божий ожидал совсем другого ответа, и только они вернулись домой, стал распекать Антонио: «Славненько же ты ответил! Помилуй тебя Боже, что ж это тебе такое на ум взбрело, чтобы эдакое говорить?»

[315] Римский дворянин Лоренцо Альтери, навещая Филиппа, был весьма удивлен его необычным балагурством и простацкой манерой общения, так что затем откровенно сказал Анджело Виттори (по чьему совету и посетил святого), что эта встреча не принесла ему ни малейшей духовной пользы. На что Анджело ответил, что у Филиппа есть такая особенная уловка, с помощью которой он ловко скрывает и держит в тайне свою святость. Услышав это, Альтери тут же стал подумывать о том, чтобы вновь посетить слугу Божия.

Тем временем Виттори рассказал обо всем Филиппу и попросил, чтобы тот, когда Альтери снова придёт, проявил вежливость и вёл себя посерьёзнее. На что Филипп ответил: «Ой, я тебя умоляю! И что же мне было делать? Хочешь, чтобы я наморщил лоб и обо мне говорили: «Вот падре Филипп, который складно вещает да сыплет всякими красотами-премудростями? Так вот знай: если он опять ко мне явится, я отчебучу ещё что похлеще!»

Позднее Альтери снова пришёл ко святому мужу и, пообщавшись с ним побольше, усвоил, что он ведёт себя так, стараясь скрыть свои добродетели и избежать внимания, с того дня всем сердцем любил его и весьма чтил.

[316] Однако не иначе вёл себя Филипп и с близкими знакомыми, стремясь к тому, чтобы и они не придавали ему особого значения. Поэтому он вызывал их то пробежаться, то потанцевать, а иной раз, находясь у себя в комнате, нахлобучивал красную биретту, подаренную ему, как мы уже говорили, Григорием XIV, и в таком виде принимал гостей. Если вдруг кто-нибудь не решался войти, он тут же, окликнув его, спрашивал, почему не входит. Услышав, что это происходит не просто так, а потому что непонятно, как обращаться к нему, когда он облачён по-кардинальски, Филипп усмехался и, сняв биретту, говорил: «Ну не дурень ли я слабоумный?»

Бесчисленные шутки такого рода было весьма свойственны слуге Божию, однако доброе имя его от этого ничуть не пострадало.

[317] Поскольку же Филипп не только себе, но и другим (как мы не раз упоминали) собирал богатства духовные, то ежедневно упражнял своих учеников в умерщвлении так же, как и себя самого. И хотя об этом можно было бы писать почти бесконечно, мы, однако, ограничимся здесь лишь немногими примерами.

Итак, во-первых, он приказывал своим духовным чадам, даже если они происходили из родовитых и знатных семей, стоять на паперти и там либо милостыню просить, либо пороги тщательно мести, причём в такое время, когда там было многолюднее всего. Кроме того, при проповедях для народа он приказывал им собирать пожертвования в толпе, что в те времена было совершенно непривычно, и стыдно было этим заниматься. Руководя строительством Оратория в обители Милосердия (как мы рассказывали вначале), Филипп велел своим принести честь щепня, кирпичей и брёвен, будто каким-нибудь платным чернорабочим. Порой он ещё посылал их просить хлеба от двери к двери, а иногда велел приказывал падать ниц в хоре общины доминиканцев и лежать простершись, пока не завершится торжественное пение комплетория и антифонов «Salve Regina».

[318] У него также имелись разного рода очки, и хотя сам он их никогда не носил, другим, однако, и прежде всего юным, приказывал напяливать их на нос в таком виде посылал их туда-сюда. И много другого в том же духе он велел им делать, а всё для того, чтобы, помочь им отбросить гордость и усвоить подлинное смирение.

Некий юноша по его повелению, взяв в руки колокольчик, обходил Кампо ди Фьори и другие самые людные места Города, из-за чего к нему отовсюду подбегали ремесленники и торговцы, раздражённые неуместным звуком, и, принимая за сумасшедшего или дурачка, осмеивали, вышучивали и освистывали.

Другому он также велел блуждать по Городу, подвесив на плечо деревянную крышку от ящичка, на которой было написано: «За то, что слопал сладости».

[319] Навещал блаженный отец кардинала Александрино, и когда по обыкновению привёл с собой целую ораву учеников, перед уходом попросил у кардинала чего-нибудь сладенького – попотчевать спутников. Тогда кардинал (прекрасно понимая, что у Филиппа на уме) достал из буфета большущий торт и отдал ему. Едва только отец вышел из дому, он тут же разделил гостинец, повелев каждому съесть свою часть на месте. Они тотчас же без малейшего промедления приступили к исполнению отцова приказания, и каждый с усердием уписывал свою долю прямо на ходу.

Когда же один из его учеников отпустил длинную чёлку, святой немедленно отправил его к парикмахеру, а чтобы сделать испытание ещё более суровым, отправил его к бл. Феликсу, о котором уже говорилось выше. Тот повиновался и пришёл к святому мужу, а тот (как и было заранее условлено с Филиппом) выбрил ему голову налысо, что он перенёс это с величайшим терпением.

Другой ученик святого, ремеслом плотник, а по имени Роберто, попросил разрешения носить власяницу. Филипп согласился, с тем, однако, условием, что тот будет ею препоясываться поверх одежды, словно кушаком. Роберто без возражений принял это распоряжение и с того дня до самой смерти ходил, как было приказано, препоясанный власяницей, за что его все прозывали Берто Власяничник.

[320] В Риме жил некий муж, не последний среди вельмож, который так нежно любил своего пса, что содержал его в роскоши и сытости. Случилось так, что один из его прислуги привёл этого самого пса в обитель св. Иеронима. Там пёс, очарованный ласковым обращением Филиппа, словно бы обрёл человеческий разум, и его невозможно было оторвать от святого, несмотря на то, что святой муж многократно отправлял его обратно к хозяину.

Поначалу хозяин отнёсся к этому без восторга и распорядился держать строптивного беглеца под строгим присмотром, но видя, что каждый раз, как только пса отпускали, тот сразу же возвращался к Филиппу, с улыбкою молвил: «Мало Филиппу людей у меня забирать; теперь он ещё и животных из моего дома уводит!» Ведь находились такие, что, вдохновившись речами Филиппа, оставляли сей двор и полностью посвящали себя служению Богу.

Ну а святой впоследствии нашёл этому псу применение для упражнений в воспитании умерщвления гордыни, как для себя, так и для учеников своих. Он то сам носил его на руках, то другим поручал носить; приказывал его то мыть и расчёсывать, то водить за собой на цепочке – и так в течение четырнадцати лет. Из-за этого кардинал Таруджи в шутку называл того пса «безжалостным бичом гордыни человеческой».

Ближе к кончине своей, переселившись в Валличеллу, блаженный отец оставил в Доме Милосердия кошку, которую там по его поручению на протяжении целых шести ежедневно кормили его ученики. Порой он посылал их и в мясную лавку за кормом для неё, а едва они возвращались к нему, то расспрашивал их (мужей зачастую знатных) в присутствии епископов и кардиналов, снабдили ли они кошку пропитанием, как она себя чувствует, хорошо ли кушает и т.п. – причём так серьёзно, будто речь шла о деле первостепенной важности.

[321] Цезаря Барония, едва тот вверил волю свою его руководству, не раз посылал в кабак за самой малой порцией вина [, что там наливали], хотя давал ему с собой огромный винный кувшин, вмещавший около двенадцати секстариев. Причём Цезарь должен был сначала настоять на том, чтобы кувшин тщательно вымыли, затем спуститься с самим кабатчиком в винный погреб и, наконец, заплатив один золотой, потребовать сдачу. И хотя он исполнял всё это с предельной серьёзностью, кабатчики, разгневанные мнимой издёвкой, осыпали его всевозможными поношениями, а иногда даже угрожали задать добрую взбучку.

Этого самого Барония, когда тот, уже возведённый в священный сан, служил в церкви флорентийской общины, Филипп часто заставлял нести по улицам Города крест, сопровождая умерших, которых выносили [из дому] в ту церковь, что было обязанностью, которую чаще всего возлагали на бедных юношей, прислуживающих в самых низких храмовых чинах.

[322] Томмазо Боцци был юношей из весьма приличного семейства – и он также полностью доверился заботе и руководству Филиппа. И вот, когда кардинал Алессандро Фарнезе с размахом справлял торжественные поминки по папе Павлу III, что сопровождалось раздачей траурных нарядов множеству бедняков, Филипп распорядился включить Боцци в их число и велел ему участвовать в этом роскошном траурном действе наравне с ними.

Едва Бернардино Корона, весьма близкий к кардиналу Гульельмо Сирлети, предался руководству и наставлению Филиппа, святой муж сразу задумал поупражнять его в умерщвлении гордости. И вот он то и дело приказывал ему, словно конюшему, вести лошадь на поводу перед дворцом этого самого кардинала, а поскольку у Корона была изрядная и пышная борода, повелел ему сбрить половину, однако, увидев, что тот послушался и вот-вот исполнит приказ, тут же отменил его, довольствуясь одной лишь готовностью.

Сколь великой чистоты жизни достиг впоследствии сей муж чрез таковое самопрезрение, то явственно засвидетельствовали все, кто близко с ним общался; ведь он стал поистине невинен и прост, как дитя, по каковой причине Филипп любил его до невероятия.

[323] Однажды, когда привратник позвал Филиппа вниз в церковь, где его ожидала некая знатная дама для беседы, он, несмотря на стоявшие тогда жаркие летние дни, надел меховую накидку и в таком виде пришёл в храм. После завершения разговора он вышел во внутренний двор, снял накидку и, вывернув её наизнанку, надел на Марчелло Вителлески, молодого дворянина, о котором мы прежде уже упоминали.

Хотя в это время в церкви пели вечерню, святой муж повелел Марчелло прямо в накидке навыворот отправиться в хор и передать что-то Баронию, который тогда руководил службой. Молодой человек, будучи от природы застенчив и робок, пытался подобраться к Баронию как можно незаметнее, скрываясь за сиденьями. Заметил это Филипп, который, намеренно вернувшись в храм, внимательно наблюдал за происходящим, а когда Марчелло вернулся, тут же приказал ему вернуться к Баронию прямо через середину хора. Что юноша сию же минуту без промедления исполнил.

[324] Антонио Галонио по телесному устройству своему был до того горяч, что даже посреди зимы носил только рясу. Однако святой Филипп, дабы по-своему поупражнять его, велел ему на протяжении всех трёх летних месяцев носить поверх сутаны ещё и меховую накидку.

Того же мужа, вообще-то весьма серьёзного, святой часто заставлял петь какие-то частушки на манер нурсийских крестьян, причём чаще всего – когда в нашу обитель наведывались знатные господа. Таким образом он смирял одновременно самих вельмож, Галонио и себя самого.

Кто-то из нашей конгрегации по наущению злого духа стал подумывать о блаженном отце пренебрежительно, однако сам откровенно поведал ему об этом искушении. Тогда святой муж предписал ему вслух высказать эти помыслы за трапезой перед всеми, а когда тот с полнейшей готовностью исполнил приказ, сам святой с огромным удовольствием его выслушал. Впрочем, хотя такое «лечение» святой применял ко многим из своих, однако, будучи благоразумен, не ко всем, но лишь к тем, в чьей готовности был убеждён.

Так, Игнацио Фестини, член Ордена братьев-проповедников, засвидетельствовал о себе самом, что некогда, ещё будучи мирянином, имел он некие тайные искушения, а когда по велению Филиппа высказал их в открытую, великую в то мгновение ощутил радость и полностью избавился от всякого беспокойства и тревоги.

Агостино Манни из Кантиано, пресвитер из Конгрегации, муж чрезвычайно пылкий духом и исполненный любви, произнёс однажды блистательную проповедь для народа. Святой вызвал его и недвусмысленно повелел произносить в Оратории ту же самую речь шесть дней подряд, слово в слово. Агостино настолько ревностно и прилежно исполнял это поручение, что, когда слушатели видели, как он вновь подходит к кафедре, тут же поднимали гвалт: «Ну вот, опять тот самый «блистательный оратор», который знает лишь одну-единственную проповедь!».

[325] А поскольку прежде всего Филипп требовал от своих учеников полного подчинения Христу разума и воли, которые занимают высшее место среди человеческих [свойств] (дело поистине трудное и сложное, но именно поэтому все святые ценят его наипаче), то вполне уместно здесь будет вспомнить об одном случае, приключившимся с Баронием, недавно упомянутым выше.

Вернулся он от понтифика (речь идёт о Сиксте V, которому наша Конгрегация особенно обязана); тот после представления его блистательных «Примечаний» к Римскому мартирологу назначил ему ежегодную церковную стипендию (хотя Бароний рьяно отказывался) с целью обеспечить его во время трудов над «Церковными анналами», которые он взялся написать.

Так вот едва он вернулся в валличельскую обитель, как Филипп послал к нему человека с поручением от имени Конгрегации потребовать у него ежегодный взнос. Ведь святейший Учредитель стремился утвердить правило (установленное ещё при основании), согласно которому каждый был обязан ежегодно вносить часть своих доходов в общую кассу, чтобы община могла жить за счёт собственных средств.

Сначала это [требование] показалось Баронию чрезмерно суровым, и хотя он всегда безоговорочно был послушен блаженному отцу, в этот раз он несколько поддался человеческому [чувству], ведь он нуждался в далеко не малых средствах, чтобы оплатить необходимые для него выписки из Ватиканских архивов и собственно печать «Анналов», на что и предназначалась церковная стипендия. Итак, он попытался через нескольких наших братьев отвратить слугу Божия от принятого решения, но вотще: ничьи уговоры нисколько не поколебали Филиппа.

В итоге Бароний совсем отчаялся, и поэтому вынужден был поскорей обратиться к Томмазо Боцци с настоятельной просьбой как-нибудь переубедить отца, ведь иначе придётся подумывать [о приложении своих талантов где-нибудь] в другом месте. Хотя

Боцци сразу же с величайшим усердием взялся за это дело, однако не достиг успеха. Ведь Филипп, будучи предельно твёрд в своём намерении, искренне и недвусмысленно ответил: «Или Цезарь послушается, или пускай уходит; ведь Богу [подачек от] людей не нужно!» (*аллюзия на латинское крылатое выражение: «Или Цезарь, или ничто».* – прим. пер.)

Получив такой ответ, Боцци смолк, поспешно возвратился к Баронию и, сообщив, что от Филиппа ничего не добиться, снова и снова увещевал его подчиниться в этом вопросе его суждению и воле, ведь он ему был обязан всем [чего только достиг], да и самим собой. Бароний внял преисполненному дружеского расположения совету и незамедлительно отправился к Филиппу. Пав к стопам его, он каялся в упрямстве своём, попросил прощения и обещал, что с величайшей готовностью отдаст не только ту выплату, что недавно получил, но и всё, что когда-либо займёт. А святой ему на это: «Наконец ты сделал то, что должен был. Ступай теперь и распоряжайся своим имуществом как угодно, ведь я хотел только доброй воли твоей. Научись на этом примере послушанию и подчиняйся приказанию старшего без всякого возражения».

[326] Весьма похожий случай рассказывают о Таруджи, и мы сами неоднократно слышали об этом от Пьетро Консолини, мужа необычайно правдивого. Надо заметить, что Филипп держал в строгости всех, но особенно тех, кто наипаче выделялся познаниями или благородством происхождения, поскольку понимал, что их поступки могут послужить примером для других. Итак, однажды он вызвал к себе того самого Боцци, о котором мы только что упоминали, и предписал ему немедля объявить Таруджи об исключении из Конгрегации, поскольку его нравы уже никак не сообразны её уставу. Тот, поражённый столь печальной и неожиданной вестью, восскорбел до невероятия и, подолгу размышляя над этим днем и ночью, так и не мог взять в толк, чем мог настолько тяжко оскорбить Филиппа, чтобы тот счёл его вообще недостойным состоять в Конгрегации.

Итак, после многих усердных молитв к Богу, перепробовав также всё остальное, чем обычно Господа умилоствляют, он пришёл к Боцци и умолял ради спасения души как можно обходительнее переговорить с Филиппом, чтобы наконец объяснил, в чём Таруджи провинился, и не давал ему далее чахнуть от скорби и несчастья. При этом заверил, что терпеливо примет любое, сколь угодно тяжёлое наказание за свою провинность, лишь бы его не вынуждали уйти из Конгрегации. Боцци сразу же согласился [помочь] другу и, хотя прекрасно знал, как Филипп упорен [в однажды принятых решениях], однако, полагаясь на его доброту, набрался духу и пошёл к нему вместе с самим Таруджи, которого, впрочем, оставил за порогом комнаты. Затем, войдя, он как можно осторожнее завёл разговор [о товарище] и молвил, что привёл заблудшую овцу обратно к пастырю, не сомневаясь, что та будет принята с распростертыми объятиями. Сими речами блаженный отец как будто дал себя убедить и, почувствовав (возможно, силою свыше, как ему было свойственно), что Таруджи стоит за дверью, велел ввести его. Когда он увидел его, подавленного и лежащего у своих ног, едва способного из-за скорби и рыданий произнести хоть слово, сказал: «Прощается тебе, ибо ты смиренно просишь извинения, но впредь смотри, как поступаешь, чтобы не оказаться недостойным сей Конгрегации!» С

этими словами он отпустил его, а затем, обратившись к Боцци, молвил: «О, как он за эти несколько дней преуспел в добродетели!»

[327] Итак, для Филиппа не было ничего важнее, чтобы люди отдавали свой разум на служение Христу. И молвил, что человеческая благочестивость уместается в пределах трёх пальцев, и при этих словах прикладывал три пальца ко лбу. Затем, объясняя проще, говорил: «Всё доступное человеку совершенство состоит в умерщвлении собственного умствования». Поэтому, когда к нему приходил кто-нибудь, прославивший благочестивцем, он испытывал добродетель такого человека, уязвляя его гордость разными способами (*mortificationibus*), и если видел в нём сильную волю и жёсткое самообладание, то выносил о нём наилучшее мнение; если же нет, то сильно сомневался в его добродетельности.

Наконец, как бы новый Иоанн Колумбини (*бл. юродивый, основатель ордена иезуатов, пам. 31 июля*), чьим духом и силою он пропитался (*ср. Лк. 1:17*), Филипп постоянно упражнял воспитанников своей Конгрегации в умерщвлении, насколько это позволял устав. Например, когда кто-то из них выступал с речью, он в самом разгаре внезапно просил другого человека прервать оратора и тут же приказывал ему отойти от кафедры, потому что, мол, сам хотел выступить. Часто, наоборот, заставая врасплох, приказывал им же взять слово перед народом, ведь, одарённый божественным светом, он предвидел будущее. Поэтому, исполняя его приказания, они даже без подготовки проповедовали намного лучше и плодотворнее, чем если бы самым тщательным образом готовили свои речи.

[328] Иногда он ещё отправлял их в разные концы Города к книготорговцам, чтобы они спрашивали там никчемные и вздорные книги, и причём громким голосом, нарываясь на насмешки окружающих.

Им же нередко велел ходить из дома милосердия в Валличеллу либо без плаща, либо в рванье и ветхой одежде – так что однажды некий вельможа даже предложил одному из них рукава в подаяние (*в то время рукава пришивались к одежде отдельно, а ученики Филиппа явно ходили без них, как нищие. – прим. пер.*). Тот скромно отказался от них, но, когда затем об этом узнал блаженный отец, он тут же повелел ему вернуться к тому человеку и сказать, что, хотя незадолго он отказался от рукавов, ныне, однако их с величайшей охотой примет, потому что они ему вообще-то нужны. Тот пошёл, благоговейно принял [рукава] подарок, а затем по приказу Филиппа носил их.

Помимо того, некоторым из своих он приказывал целовать ноги посетителям, некоторым – петь и танцевать прямо на виду у высокопоставленных мужей (о чём мы недавно говорили), тем – носить холщовые шапочки, этим – старомодные широкие шляпы-галеро либо длинные четки, свисающие с шеи, да ходить в таком виде по Городу; короче говоря, всех он упражнял в разных видах умерщвления, в зависимости от того, что считал полезным для каждого, то и дело приговаривая: «Сыночки, приучайтесь к малым умерщвлениям, чтобы смочь ежедневно переносить большие».

[329] А самое, пожалуй, удивительное в Филиппе было то, что любое его повеление, каким бы тяжёлым и обременительным оно ни было, приносило (если только исполняли его немедля и с воодушевлением) именно тот плод, которого он желал.

Ведь, наученный Богом, он прекрасно понимал, кому что по силам и что каждому лучше всего подходит. Поэтому некоторым из тех, кто прожил при нём тридцать-сорок лет, он никогда не давал подобного рода приказаний, а другие, наоборот, стоило им поступить в его распоряжение, тут же подвергались с его стороны суровейшим и сложнейшим испытаниям.

Ну а насколько высоко святой муж ценил сию добродетель, можно понять прежде всего из того, что он неустанно твердил знаменитое изречение св. Бернарда: «Презирать мир, не презирать никого, презирать самого себя, презирать презрение к себе», к коему тут же добавлял: «И это дары Вышнего» или «Сего лично я достичь не сумел, но достигнуть сего мечтаю» и тому подобное, чтобы дать понять, насколько велика и непроста эта добродетель.

И хотя слуга Божий со всем усердием радел об умерщвлении гордости, в последние годы жизни он реже прибегал к внешним его проявлениям, поскольку, как он сам говорил, это стало слишком известным и уже не приносило такого плода, но могло даже стать поводом для гордости и тщеславия.

ГЛАВА XXIV. ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ТЕРПЕЛИВОСТЬ ФИЛИППА, С КАКОВОЙ ОН ПЕРЕНОСИЛ ОБИДЫ И НЕДУГИ

[330] А прежде чем приступить к [описанию] той добродетели, которую святые мужи считали свидетельством истинной праведности, а именно к терпению, осмелюсь (в дополнение к уже сказанному выше) заявить – причём без малейшего преувеличения – что на протяжении всей своей жизни Филиппу пришлось изрядно попотеть, упражняясь в этой добродетели, ведь чем бы он ни пытался заняться, почти всегда встречал в этом сильных и суровых противников.

Итак, прежде всего, толпы придворных, которым раз плюнуть очернить кого-нибудь, осыпали его множеством безосновательных упрёков, особенно когда народ зачастил на духовные упражнения в Оратории. Если кто-то из его учеников вдруг являлся по делу или с поручением ко двору какого-нибудь вельможи, придворные тут же сбегались к нему и, потешаясь, спрашивали: «Как поживает отец Филипп? Чем полакомился на завтрак? Сколько каплунов получил в подарок? Сколько жаркого прислали ему духовные дочери?» – и нагло несли прочую околесицу в том же роде, [стараясь уязвить] святого мужа. Они развязно чесали языками год за годом, пока, наконец, почти весь Город не был заполнен этими прибаутками, из-за чего на любом углу и в каждом кабаке безбожный и праздный сброд высмеивал Филиппа и его учеников, ежедневно забавляясь этой дуростью.

Когда ученики докладывали святому мужу обо всём, он принимал это не просто спокойно, но даже с радостью великой, так что решительно все, кто приходил к нему и слышал об этом, изумлялись таковой добродетели. Поэтому, кстати, один знатнейший муж, который и сам когда-то Филиппа осмеивал и презирал, тронутый его невероятным терпением, так уважал слугу Божия, что стал весьма часто просить его о молитве и повсюду возвещать его святость.

[331] Те же, кто из зависти или соперничества не могли вытерпеть того, что день ото дня растёт [число посещающих] упражнения в Оратории, а добрая слава его Основателя распространяется всё шире, не упускали ни единой возможности

распространять о нём слухи самого гнусного свойства. Поэтому однажды весь Город облетела молва, будто бы «тот Филипп, что живёт в обители Милосердия», брошен в темницу за постыдное преступление. Источником же этой выдумки оказалось то, что некий слуга по имени Филипп, также проживавший в этой обители, был заключен в темницу как преступник – так что негодным обманщикам не составило труда ввести в заблуждение наивный люд и переложить вину за злодеяние на святейшего мужа. А он, будучи извещён обо всём, не только ни капельки не взволновался, но улыбнулся с радостным ликом и отмахнулся, как от какого-то пустяка.

[332] На Фабрицио де Массими, которого не на шутку преследовал один весьма могущественный вельможа, пало несправедливое обвинение в преступлении, достойном смертной казни. И вот Филипп, прекрасно зная о его невинности, решил защищать и отстаивать его всеми возможными способами. Поэтому он отправился к судье, чтобы рассказать толком, как на самом деле всё было, однако тот, ослеплённый пристрастностью, напроочь отказался доискиваться истины и даже слушать его не пожелал; мало того, осыпав множеством упреков, велел убираться прочь – так что присутствовавший при этом спутник блаженного отца Помпео Патери просто надивиться не мог его несокрушимоу терпению. Ведь чем грубее звучала ругань, тем мягче святой отвечал обидчику, одолевая враждебную надменность ничем иным, как смирением и кротостью. В итоге Бог, творящий суд и правду обиженным (*ср. Пс. 145:7*), явился [на помощь] и избавил Фабрицио от опасности, а Филиппа – от беспокойства.

Весьма похожий случай был у человека Божия с неким подлым и нахальным слугой в храме св. Иоанна, что принадлежал общине флорентинцев. Он без малейшего повода набросился на святого с такими грубыми оскорблениями, что оказавшийся свидетелем этого Фабрицио Мария Дзакетти, каноник Ватиканской базилики, возмущённый столь вызывающим поведением, едва удерживался, чтобы не отвесить слуге тумака. Однако, видя, как стойко Филипп сносит обиды и оскорбления, совладал с собою, а будучи человеком вдумчивым и благоразумным, пришёл на основании случившегося к несомненному выводу о святости сего мужа и с того дня всё больше его почитал.

Шёл однажды блаженный отец по Городу, как обычно, с учениками и вдруг натолкнулся на кардинала, который, находясь в плену ложных слухов о нём и подозрений, велел остановить карету и прямо там прилюдно принялся страшно его поносить. Однако святой, прекрасно зная добрые намерения хулителя, ничуть не возмутился, а подошёл к кардиналу с обычной для себя безмятежной радостью и что-то шепнул ему на ухо. Тогда кардинал, внезапно перестал хмуриться, крепко обнял его и молвил: «Продолжай, отче! Успешно тебе закончить начатое!»

[333] Впрочем, Филиппу доставалось не только от посторонних, но порою даже и от кое-кого из своих. Однажды шло обсуждение очень важного для Конгрегации дела, и когда принесли относящееся к нему письмо, адресованное Конгрегации, Филипп, как настоятель, вскрыл его. Тут один из его учеников (норовистый и грубый, он заподозрил, что там написано нечто, чего Филипп не должен был, по его мнению, прочесть) до крайности развязно и нагло выхватил его у него из рук и спрятал, заявив, что, мол, читать этого не следует. Терпеливейший муж перенёс сие с полным

спокойствием и не выказал ни малейшей досады. Хотя позднее, через много лет, за два года до ухода из сей жизни он заповедал Джерманико Фидели, чтобы после его преставления он обязательно постарался наставить и вразумить этого человека, причём, дабы сие вдруг не забылось, записал себе: пусть, мол, тот осознает свою ошибку и молит Бога о прощении.

Многое и помимо того перенёс слуга Христов с величайшим терпением духа, что, однако, мы намеренно опускаем, заботясь о краткости. Вот почему Франческо Розано, муж тоже благочестивый и ученый, размышляя об этих событиях (а особенно – о пережитых Филиппом в ту пору, когда только начинались собрания в Оратории), говаривал: «Филипп правомочно и заслуженно обосновался в обители св. Иеронима, ведь они оба твёрдо выдержали тяжелейшие испытания ради имени Христова».

[334] Стоит здесь, пожалуй, отметить, что каждый из тех, кто каким-либо образом хулил Филиппа, либо, движимый раскаянием, возвращался к нему и просил прощения, либо же, если пренебрегал этим, то вскоре претерпевал от Бога карающего заслуженное и тяжёлое наказание за строптивость.

Некто оклеветал было слугу Христова, но на следующий день, выйдя из дома, оступился на крутом месте, упал и сломал одну ногу, причём был на волосок гибели. Он утверждал, что это приключилось с ним не иначе как потому, что он дурно отзывался о Филиппе, а если бы сделал это с ещё и со злым умыслом, то наверняка, мол, не то что ногу, шею бы себе свернул. Однако с того времени он никому и слова не давал молвить против блаженного мужа, даже по мелочи.

[335] Некая дама, пользовавшаяся в то время уважением в Городе за своё благочестие, знатность и учёность, долго страдала от тяжёлой болезни и уже была на грани смерти. Поэтому Филипп, будучи её исповедником, весьма часто посещал её ради духовной поддержки, что заронило в её племяннике опасение, как бы благочестивая женщина не оставила наследство либо самому Филиппу, либо учреждённой им Конгрегации. Итак, сей властный и алчный человек через слуг передал Филиппу своё постановление, чтобы более не входил в их дом. Однако святой, ничего иного так страстно не желавший, как спасения душ, без колебаний продолжил хаживать к ней. Тогда племянник, ещё паче разгневавшись и глубже разволновавшись от усугубившихся подозрений, строго-настрого приказал всем слугам ни за что не впускать в дом сего визитёра. Несмотря на это, Филипп не оставил своей затеи и не прекратил исполнять долг милосердия, не устранившись угроз, как бы серьёзны они ни были.

Когда о том сообщили отцам Конгрегации, они бросились к святому и просили, заклинали его «дать место гневу [Божию]» (*ср. Рим. 12:19*), а себя смертельной опасности не подвергать. Но он молвил: «Я только затем её навещаю, что взыскую спасения души её, и если ради этого мне суждено умереть, то ничего для меня желаннее, ничего радостнее и приключиться не может!» Несмотря на то, что все возражали и настойчиво умоляли хотя бы на время уступить и более не испытывать [судьбу], он отвечивал: «Успокойтесь, мне ничего не грозит от этого человека, ведь та, что ныне столь тяжко хворает, вскоре выздоровеет, а тот, что столь здоров и крепок телесно, в течение пятнадцати дней скоростижно скончается». И

сказанное не преминуло сбыться, ибо женщина недолге поправилась от недуга (и на много лет пережила Филиппа), племянник же её в предсказанный срок умер.

[336] Как-то раз святой муж вместе со своими учениками по обыкновению совершал паломничество по Семи римским церквям. Тут некто, с крайним неодобрением относившийся к такого рода проявлениям набожности, обратившись к своему спутнику, сказал довольно насмешливо: «А знаешь, что иеронимиты (так в былое время обзывали наших, когда Ораторий первоначально располагался в обители св. Иеронима) обошли семь церквей и водили с собой семь ослов, гружёных пирогами?» И ещё много чего сверх того наболтал, высмеивая и хуля таковые паломничества. Однако его шутка дорого ему обошлась: всего через несколько дней он был достожалостным образом убит, а тот, кто его охотно слушал, также лишился жизни.

[337] Некий прелат, чьё имя мы упоминать не станем, наговорил много страшных гадостей о слуге Божиим в беседе с кардиналом, который в ту пору был весьма близким другом Понтифика, с целью добиться запрета духовных упражнений в Оратории – и в итоге добился, чтобы обо всём доложили самому Понтифику. Хотя Филиппу сообщили подробности [этого разговора], он никогда не жаловался на клеветника, но, опираясь на свидетельство совести, всю сию бурю переносил с неколебимым духом. Более того, он довольно часто захаживал к тому кардиналу и терпеливо выслушивал от него выговоры, ибо таким образом святой муж старался смирить себя и обуздать.

Между тем не без вмешательства свыше случилось так, что монахи из конгрегации Оливетанцев выдвинули против того самого прелата множество обвинений, прежде всего в том, что он, проведя пять лет в их конгрегации, отступился; и по этой причине потребовали для него сурового наказания – как перебежчику и предателю своего ордена. Он же, проведая, что его намерены засудить за сию провинность, так тяжко захворал, что в течение нескольких дней, дойдя до глубин отчаяния, ушёл из сей жизни.

Ну а Филипп, не помня обиды, зато помня о милосердии, весьма часто навещал болящего, а прослышав о его смерти, горько опечалился и сказал одному из своих: «Поддай-ка Святую Библию». А когда он открыл её, на глаза ему попались слова из Притч: «Человек-отступник, муж бесполезный, шагает с устами лживыми, подмигивает глазами, топчет ногой, даёт знаки пальцем, сердцем порочном замышляет зло, и во всякое время сеет раздоры. К нему внезапно придёт гибель его, и вдруг будет он сокрушён, и более не найдёт исцеления» (*Вульг. Прит. 6:12-15*).

[338] Мы могли бы привести здесь ещё другие истории [подобного рода], но лучше обойти их молчанием, чтобы случайно не ославить и самих [участников] лично. Ведь значительна численность тех, кто противился слуге Божьему, за что Бог предал их гибели (ср. Вульг. Пс. 77:4), и они вместе со своими семьями жалким образом погибли. Однако терпение Филиппа было таково, что он не только спокойно переносил своих гонителей, но даже искренне любил их.

Например, он и сам молился за них (ради чего часто посещал базилику св. Петра и другие святые места), и своим чадам духовным велел творить то же самое. В итоге, снося всё терпеливо, Филипп дошёл до того, что никто никогда не видел его в гневе: он почти разучился гневаться.

Если же ему порой приходилось попрекнуть кого-нибудь из своих учеников или выказывать наигранную строгость в присутствии других, то, исполнив сей долг и отпустив виновников, он тут же обращался к присутствующим с вопросом: «Вам кажется, я злюсь?» или «Не смутил ли я вас?» И в тот же миг лицо его вновь обретало совершенно безмятежное выражение.

[339] Однажды отец, отслужив литургию, на выходе из домовой церкви столкнулся с Антонио Галлонио и внезапно, без всякой причины, словно бы сильно гневаясь на него, выбранил, и хотя тот предельно скромно извинялся, Филипп всё резче и резче его ругал, из-за чего Антонио начал изрядно сердиться. Тогда святой ему: «Антонио, поцелуй меня!», и вдруг бросился его обнимать, чем рассеял всякую тень раздражения. Позднее кардинал Пьерпаоло Крешенци, один из первых (как мы говорили) Филипповых учеников, объяснил в нашем присутствии это событие: Божий слуга не только хотел таким образом испытать [кротость] Галлонио, но и скрыть свою бледность, покрывавшую лицо его во время священнодействия, из-за чего он выглядел точно мертвец.

Никто никогда не видел его печальным; в какой бы час ты к нему ни пришёл, всегда заставлял его радостным и весёлым, и это было так общеизвестно среди его учеников, что даже говаривали напрямую: «Ты можешь оскорблять Филиппа как угодно – словом или делом, – но никогда его не расстроишь». Именно поэтому, когда до святого однажды дошло, как некоторые говорили, будто он с возрастом выживает из ума впадает в детство, это его весьма повеселило. И опять же, когда он услышал, как во время проповеди кто-то много наговорил против Оратория, ни слова на это не ответил и не выказал в связи с тем ни малейшего беспокойства.

[340] И конечно же, не меньше терпения Филипп выказывал, перенося телесные недуги, которые из-за чрезмерных трудов почти ежегодно его поражали, причём так тяжелы они были и продолжительны, что весьма часто не оставалось надежды на его исцеление, а четыре раза, полагая, что он вот-вот умрёт, его помазывали святым елеем. Однако, несмотря на телесные страдания, он всегда оставался весел духом и ликом. Когда же однажды врачи уже рассудили, что положение его плачевно, и увидел Филипп, что все вокруг охвачены скорбью и страхом, он мужественно и твёрдо воскликнул: «Приготовился я без смущения» (*Пс. 118:60. – пер. П. Юнгерова*). О болезни он говорил исключительно с врачами и не выказывал ни малейших признаков боли, хотя мучился страшно.

Даже в болезни (если только врачи недвусмысленно ему этого не запрещали) он продолжал принимать исповеди, а когда ученики умоляли его чуточку переждать, пока не выздоровеет, тут же отвечал, что это занятие его чудотворно укрепляет, – столь пылко жаждал он спасения ближних. Обычно почти у всех больных голос меняется или пропадает, а он говорил по-прежнему звонко, будто чувствовал себя превосходно, и даже те, кто приходил его утешить, сами получали от него утешение и ободрались оживлённой беседой с ним.

Вот что, однако же, было сущим чудом: едва Филипп в свои уже преклонные годы вставал с постели после тяжёлой и длительной болезни, то сразу же служил мессу и непринуждённо исполнял прочие священнические обязанности; и если вечером казалось, что он при смерти, то на следующее утро это был пышущий здоровьем

человек, точно ему не пришлось изведать никакой болезни. Поэтому, когда однажды врачи изумились его столь внезапному выздоровлению, Филипп, дабы показать, что помощь пришла свыше, молвил: «Нет, не вы, но сии святые мощи возвратили мне здоровье», – и указал на раку, преподнесённую ему в дар св. Карлом.

[341] И нельзя здесь обойти молчанием, что приключилось со слугою Божиим, когда он весьма тяжело хворал в обители Милосердия. Итак, когда он попросил у Джулио Петруччи (о котором мы упоминали раньше) холодной воды с примесью гранатового вина, тот смекнул, что если не добавить туда сахара, больному такое питьё вряд ли придётся по вкусу, однако сахара не нашлось. И вот, когда он размышлял об этом, внезапно появился юноша, не знакомый ему с лица, и протянул ему кусок белейшего сахара. Взяв его, Петруччо немедленно приготовил напиток, подал болящему, и тот, отведав его, немножко соснул, а пробудившись чуть позже, молвил: «Джулио, я здоров», причём на следующий день он встал с постели и вернулся к своим обычным обязанностям. Когда же Петруччо призадумался о случившемся (особенно [его насторожило], что юноша тот больше никогда не показывался), то пришёл к окончательному убеждению, что свершилось сие по особой милости Божией, а под видом юноши ему явился ангел Господень, чтобы благовременно прийти святому мужу на помощь.

В той же обители он опять захворал, и, поскольку болезнь с каждым днём постепенно усиливалась, все потеряли надежду на то, что он выживет. Итак, Филипп благочинно принял церковные таинства, и ему более ничего не оставалось, кроме как испустить дух. При больном сидел его ученик Пьетро Виттричи, что родом из Пармы, имевший много заслуг перед нашей обителью. И молвил ему святой: «Подай-ка мне чуток воды – уши умыть». Когда просьба была исполнена, Божий слуга, точно новый Езекия, «отворотился лицом своим к стене и молился Господу (4 Цар. 20:2), а вскоре выздоровел и сразу же непринуждённо вернулся к своим обязанностям.

[342] И хотя Филипп так и рассыпал прекрасные мысли о добродетели терпения, чаще всего он, однако, повторял вот что: «Ничто с человеком Христовым не может случиться более славного, чем пострадать за Христа; и нет ничего тягостнее для истинного боголюбца, чем невозможность пострадать ради Него. Ведь величайшим бедствием для слуг Божиих является полное отсутствие бедствий». Поэтому, если кто-либо из его учеников говорил, что не может вынести невзгод, он отвечал: «Право же, лучше скажи, что ты недостойн столь чудесной милости, ибо же нет более явного знака любви Божией к нам, чем натиск невзгод».

И когда некий священник, постоянно принимавший исповеди, посетовал однажды при нём, что незаслуженно терпит преследования, Филипп молвил: «Ну и каким же образом, человеке нетерпеливый, ты думаешь побудить других к терпению? Неужто тебе неведомо, что любовь к Богу распознаётся единственно по тому, желаешь ли ты ради Него не на шутку пострадать?»

Помимо того он говаривал, что нет более короткого пути к презрению земных вещей, чем мука от несчастий и затруднений, и что самыми несчастными из всех смертных следует считать тех, кто не допущен в эту школу.

Ещё он часто утверждал, что в сей жизни нет чистилища, но лишь рай и ад: всякий, кто терпеливо переносит невзгоды, тому Бог сообщает внутреннее утешение и

райскую радость, ну а кто в невзгодах нетерпелив, вынужден как бы муки ада испытывать.

[343] К сему он ещё добавлял, что всякий раз, когда Бог наполняет душу особой духовной сладостью, непременно следует ожидать какого-нибудь тяжёлого бедствия, ибо сие [блаженное чувство] предвозвещает бедствие, словно посланец. Поэтому он вновь и вновь увещевал своих духовных чад не падать духом в бедствиях и неприятностях, ибо милосердный Бог к грустным переживаниям примешивает также немножко радостных и не позволяет Своим слугам постоянно пребывать ни в бедствиях, ни в радостях, но, словно бы дивный узор, сплетает житие праведных как из невзгод, так и из удач попеременно.

Итак, никому не следует избегать креста, какой кому Бог даёт, а то можно добиться другого – побольше; мало того, скорее подобает делать добродетель из нужды, нежели самим придумывать себе крест, как большинство поступает.

Однако не советовал он никому из своих учеников и просить бедствий у Господа; «Ведь достаточно, – молвил он, – если мы с спокойно переносим те несчастья, которые Он ежедневно ниспосылает нам ко спасению».

Тех же, кто казался опытнее и успешнее в брани духовной, он по предписанию Кассиана наставлял, что можно воображать, будто другие наносят им многообразные обиды, приучая тем самым дух свой с совершенным смирением принимать всё, что могут учинить негодные люди; и постоянно с сокрушением сердечным размышлять, с какой кротостью им должно встречать множество предстоящих испытаний, зачастую совершенно невыносимых – ибо таким образом они весьма возрастут духом.

Сими и подобными спасительными наставлениями Филипп ежедневно укреплял и себя, и учеников своих пред лицом сколь угодно страшных тягот.

ГЛАВА XXV. ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ НАСТОЙЧИВОСТЬ ФИЛИППА И ПОСТОЯНСТВО ЕГО

[344] Поскольку, по свидетельству Григория [Великого], «добродетелью доброе дело становится при его постоянстве» (*Homiliae in euangelia*, 2.25), и ничто не может достичь величия без стойкости и твёрдости, Филипп с самого детства изо всех сил старался быть настойчивым и постоянным в добродееании.

Итак, когда он впервые прибыл в Рим и осознал, что Бог призывает его всецело посвятить себя спасению душ именно в этом городе, он так укрепился в этом решении, что целые шестьдесят лет не преступил городских ворот, за исключением тех случаев, когда, как мы упоминали, совершал паломничество по семи церквам. И хотя родственники часто зазывали его во Флоренцию, а ещё чаще друзья уговаривали его съездить вместе с ними куда-нибудь, он так и не дал уговорить себя пускай на один-единственный денёк отклониться от своего главного предназначения.

Будучи позднее возведён в священный сан и получив задание принимать исповеди, он усердно потрудился, дабы исполнить эти обязанности добросовестно. Поэтому на протяжении всей своей жизни он ничего иного не делал, кроме как предавался

молитве и чтению, проповедовал слово Божие и совершал таинства, посещал церкви и больных, а также ежедневно упражнялся в иных подобных делах благочестия.

[345] Затем, после основания Конгрегации, он, стремясь целиком посвятить себя управлению и руководству ею, не брал на себя вообще никаких обязанностей за её пределами; причём не желал, чтобы в Конгрегации занимались слишком многим, довольствуясь (как он сам молвил) сими тремя: молитвой, уделением таинств и словом Божиим – главным образом ради того, чтобы и он сам, и члены его Конгрегации могли сосредоточиться на этих немногих задачах неколебимо и с величайшим усердием.

Ну а чтобы привить каждой душе сию добродетель, он часто давал многочисленные наставления и приводил поучительные примеры, используя известное евангельское изречение о том, что не тот, кто начал, но «кто выстоит до конца, будет спасён» (*Мф. 10:22. – Новый русский перевод*). При этом он учил, что для достижения сей [настойчивости] особенно полезна рассудительность (*discretio*), которая заслуженно величается родительницей и правительницей добродетелей.

«Так что, – молвил он, – по духовному пути следует двигаться крайне осмотрительно, ибо нельзя достичь святости за три дня, и куда сложнее сдерживать тех, кто слишком торопится, чем подгонять тех, кто медлит».

«Кроме того, не следует привязываться [к средствам,] ведущим к цели, так сильно, чтобы забыть саму цель. И нельзя настолько усердствовать в умерщвлении плоти, чтобы совсем позабыть об укрощении мысли, которое важнее всего».

[346] При этом начатые духовные упражнения было бы опрометчиво оставлять; этого делать не следует, но подобает сохранять умеренность, когда берёшься за них. Ведь многие постепенно нагружают себя таким количеством правил и молитв, что затем, истомившись, либо не могут их исполнять, либо делают это совершенно без всякого духовного чувства. Поэтому он увещевал своих учеников довольствоваться немногими, но никогда их не прерывать, ибо стоит разок что-нибудь по наущению злого духа пропустить, как [это обязательство] с величайшей лёгкостью начнёт нарушаться вновь и вновь, пока его совсем не забросят. Поэтому он часто повторял древний девиз: «Nulla dies sine linea!» («Ни дня без строчки!»)

Всех он помимо этого увещевал почаще обновлять те постановления о благом житии, которые они прежде в своём сердце приняли, и не страшиться последующих искушений, которые неизбежно восстанут. «Ибо, – как молвил он, – Бог, постановив украсить человека какой-либо добродетелью, прежде попускает ему подвергнуться искушению противоположным сей добродетели пороком». Он ещё добавлял, что когда начинаешь, дух пламенеет с особою силою, но затем Бог делает вид, будто удаляется – вот тогда-то и необходимо будет проявить настойчивость в усилиях и постоянство в поддержании бодрого настроения, чтобы Он как можно скорее возвратился.

[347] Помимо ж того, он говорил, что духовная жизнь разделяется на три ступени, первую из которых называл «животной», [ибо это состояние] тех, кто ищет чувственных проявлений благочестия, что Бог позволяет начинающим, дабы,

пленившись сей сладостью (словно животные – зрелищем чувственного предмета), они дали себя заманить к духовному образу жизни.

Вторую же он называл «жизнью человеческой», [поскольку это состояние] тех, кто, не испытывая ни малейшего влечения к чувственной сладости, сражается с дурными наклонностями ради добродетели, что представляется наиболее подобающе человеку.

Наконец, третью он называл «жизнью ангельской», относя её к тем, кто долго упражнялся в обуздании пороков и похотей, а поэтому по милости Божией, ещё действуя во плоти, уже достиг спокойного, безмятежного и почти ангельского жития.

Однако он вновь и вновь увещевал своих учеников, что из сих трёх степеней жизни следует сосредоточиться на второй и мужественно в ней подвизаться, ибо здесь заключается надежда на то, что по Божией благодати в конце концов удастся возвыситься до третьей, совершеннейшей.

[348] Он учил, что молодым людям для сохранения постоянства в служении Богу нужно избегать общения со злыми и неотступно следовать за добрыми; мол, это для них не менее полезно, чем даже частое участие в мессе.

Если же порой замечал, что кто-либо из них особенно ревностен духовно, то не особенно успокаивался на их счёт. Поэтому, если кто сообщал ему, что этот или тот достиг больших успехов в духовной жизни, молвил: «Пускай сначала оперится, тогда уж увидим, куда направит полёт».

Помимо того он уговаривал всех как можно настойчивее вымаливать у Господа дар постоянства и именно об этом велел ежедневно совершать вечерний молебен в Оратории. А ещё учил, что для успешного начала и завершения дела необходимо испрашивать помощи у Богородицы и по мере возможности ежедневно присутствовать на Святой Мессе.

Когда же он примечал в ком-нибудь Божие призвание к иночеству, то, чтобы они потом смогли выстоять в предпринятом [подвиге], он заранее долго и много упражнял их в умерщвлении [плоти и гордости], помогая научиться строго властвовать над собой и укрощать свою волю, особенно в том, к чему душа, казалось, совсем не лежит. Поэтому многие из тех, кто по его совету вступил в иночество, часто утверждали, что, если бы они предварительно не подчинили себя руководству Филиппа, то ни за что не выдержали бы потом в монастыре.

Так вот некто из ордена капуцинов, придя однажды к нему, поцеловал его руку и молвил: «То, что ты, отче мой, мне когда-то приказывал делать, было сущими пустяками по сравнению с тяжелейшими обязанностями в монастыре; тем не менее, уверяю тебя, что если бы не было тех предварительных [испытаний], я бы ни за что не смог затем вынести нынешних».

[349] Филипп говорил, что, если кто попал в монастырь с менее строгой дисциплиной, но живёт там благочестиво и достойно, такому человеку ни в коем случае не следует помышлять о [переходе в] другой [монастырь], ведь, возможно, Бог хочет через него возродить там былую строгость и святость. В целом он с

подозрением относился ко всякой перемене и никому не позволял переходить с одного хорошего места на другое, пусть даже лучшее, беспричинно, но только после основательного размышления. Ведь, по его словам, сатана принимает вид ангела света (*ср. 2 Кор. 11:14*) и, пока некоторые гонятся за чем-то получше, лишает их своею хитростью уже достигнутых благ. Мало того, сей выдержки и настойчивости Филипп требовал не только от тех, кто жил в иноческих обителях, но и от всех остальных, усердно наблюдая за тем, чтобы каждый крепко держался однажды принятого образа жизни и не оставлял беспричинно своего места или служения.

Массимиано Борго, веронец, приглашённый на службу ко двору некоего князя, принял свою должность с тем условием, что ему не будут поручаться такие светские дела, которые могли бы отвлекать его от духовных упражнений. Поскольку же обстоятельства затем изменились, он решил покинуть княжий дом, однако сперва сообщил о том Филиппу, коего ещё давно избрал своим духовным наставником. Святой же мягко увещевал его остаться и не отказываться от сего креста, дабы не встретился ему невзначай иной, тяжелее. А именно так и вышло, поскольку, послушавшись иных советов со стороны, он оставил двор князя, но с тех пор нигде не мог найти покоя, хотя в остальных отношениях жизнь вёл похвальную.

[350] Но от наших людей Филипп особенно требовал сей стойкости и постоянства, потому что, как он молвил, дух легко расслабляется, а возобновить надолго прерванные духовные упражнения довольно трудно.

Вступил в конгрегацию некий одарённый юноша, подававший превосходные надежды, и случилось так, что через четыре года он тяжело заболел, по каковой причине, вняв уговорам друзей, решил вернуться на родину, надеясь поправиться в более мягком климате. Филипп отнюдь не одобрял этого решения, но поскольку тот изо дня в день становился всё навязчивее (и упросил одного из наших, кому требовалось отъехать, взять его с собою), святой муж в конце концов дал ему позволение удалиться, так, однако, сказавши: «Двое уезжают, вернётся один». Так оно и случилось: побеждённый любовью к родным местам, юноша не смог вернуться в Конгрегацию. Филипп, однако, послал ему письмо, коего содержание мы приводим здесь в латинском переводе.

[351] «Право же, очень бы мне хотелось, чтобы Джерманико попозже покинул Рим, да и чтобы ты не слишком долго задерживался там вдали, окружённый любовью плоти и крови, сиречь при матери и братьях твоих. Ведь прекрасно известно, что святые мученики Марк и Маркеллиан, уже вынесшие с мужеством множество разнородных пыток, в конце концов чуть было не уступили мольбам родных и чад отречься от Христа, и только св. Себастьян укрепил их грозной речью. Если ты представишь мне в качестве оправдания большие расходы, то, как вижу, куда бы ты ни отправился на учёбу, они будут еще выше. Что же касается здоровья, то я уж совсем не понимаю, каким образом ты собираешься приступить к более серьёзным занятиям, если тебе даже чуть-чуть почитать трудно и ты от этого едва не выбиваешься из сил. Итак, по моему, по крайней мере, суждению, случится чудо, если ты в этом хоть сколько-нибудь преуспеешь.

Если же ты задумал позаботиться о семейных делах, то это не что иное, как возвращение к миру и отречение от Христа, ведь если бы ты хоть чуть-чуть отведал

Его, то непременно бы воскликнул: «Как благ и сладок Господь!» (*Вульг. Прем. 12:1*), а с другой стороны: «Суета сует, всё – суета» (*ср. Еккл. 1:2*). Ну а сможешь ли ты невозмутимо смотреть на то, как твои братья, несмотря на все свои добрые склонности, живут на широкую ногу, пока ты трудишься? Но, отказавшись от всего, ты в отдалении от духа Божия из щедрого станешь крайне скупым и несносным даже для своих родных, ведь алчность часто порождает вражду между близкими и знакомыми. Короче говоря, ты будешь жить по плоти (*ср. Рим. 8:1*), но не покой обретёшь, а печаль сердечную да скорбь. Из-за этого мать (от чего удержи, Боже!) будет горько сожалеть, что отозвала тебя с правой стези спасения. Ты же, сынок, сам прекрасно помнишь, сколь долго и как тяжело трудился, чтобы быть принятым в эту обитель, и что стремление спасти свою душу, тогдашняя настойчивость твоя, а также явственно проявляемые тобою добрые склонности преодолели в итоге все [препятствия] – но причём тут знания, богатство или что-нибудь в том же роде (особенно если учесть, что многие из наших сделали куда большие взносы, чем ты)?

Итак, возвращаться тебе или нет – целиком в твоей власти: мы здесь никого против воли не держим. Но пусть тебе послужит примером и постыжением Паоло Камилло (племянник Папы Григория XIV, который при жизни понтифика обитал среди нас). И хватит на этом».

Таково было письмо Филиппа.

[352] Джанантонио Луччи, священник Конгрегации, о котором уже говорилось в другом месте, засобирался было в Баньяреа. На что святой ему: «Пожалуйста, не уходи; ведь я знаю, что говорю, а «думаю, и я имею Духа Божия» (*1 Кор. 7:40*). Что ж в итоге? Он уехал и, очарованный любовью к родным местам, больше не вернулся в Конгрегацию. То же самое произошло и с некоторыми другими: когда они, несмотря на его возражения, навещали родные края, то либо их смерть постигала, либо они отказались от намерения [служить в] Конгрегации.

Филипп также неодобрительно относился к намерениям некоторых из его учеников поехать куда-нибудь и там основать иную конгрегацию; он желал, чтобы они оставались в том призвании, в каком были призваны, и в нём прилежно исполняли каждый свой долг. Это ясно видно из письма св. Карлу, собственноручно написанного блаженным отцом, черновик которого мы нашли среди записей и посчитали нужным привести его здесь.

[353] «Я читал, — молвит он, — но ещё не имел случая убедиться, что всякий, кто не дошел до способности осудить себя тогда, когда считает себя невиновным, не вправе именоваться мужем духовным. Тем более [это справедливо], когда возникают хоть какие-то сомнения относительно собственной [правоты], как в нашем случае, в котором Ваше Сиятельство придерживается иного мнения. Поэтому на коленях прошу Вас молиться за меня Богу, чтобы я наконец уразумел, насколько строптив и упрям в суждениях разум мой и чтобы полностью обуздал его».

Далее следует перечисление как внутренних, так и общественных наших занятий. Затем он пишет:

«Мне было до крайности огорчительно, что я не смог зайти к Вам при Вашем отъезде, ведь лишь Бог свидетель, как я люблю Вас. Я не имел смелости отказать

Вам в просьбе отпустить с Вами одного из наших братьев (это был Цезарь Бароний), но и исполнить её мог без тяжкого ущеба для Конгрегации. Ох, если бы мне было дозволено спокойно заниматься лишь самим собою! Причём я надивиться не могу, как так вышло, что я оказался опутан всяческими обязанностями!

Касательно же того, что Вы изволили молвить о нашей жадности (*sensualitate*), то, с Вашего позволения, скажу: да будет Вам достоверно известно, что многие Вас обвиняют не только в жадности, но даже в воровстве. Ведь епископы Ариминский и Верчеллийский, а также ряд других утверждают, что стоит Вам наткнуться на достойного человека, как Вы ничтоже сумняшеся обдираете один алтарь (как говорят в народе), чтобы облечь другой. Друг Сократ, друг Платон, но истина дороже; простите, пожалуйста, за прямоту.

Далее, что касается наших людей, то они никогда не выказывали глубоких познаний в священных обрядах; [сведущи они] ровно в меру нужд нашей общины; да и тому научиться им удалось лишь благодаря ежедневной практике в силу постоянных занятий, поэтому-то могут свершать их только старшие, а им мешают многочисленные дела и слабое здоровье. Молодые же, ещё неопытные, должны прилежать учёбе и прочим упражнениям, призванным укрепить их для [жизни] по нашему уставу. Поэтому отпустить этих неопытных и несведущих [собратьев], отрывая их от учёбы и от присмотра старших, было бы недопустимо. Ну а кто более зрел летами, те нам особенно необходимы; и поэтому, когда мне в итоге приходится посылать кого-нибудь с поручением, я трепещу и ужасаюсь, и всем сердцем взываю о помощи Божией».

Много ещё затем добавил Филипп, исподволь мягко оговаривая святого от его намерения.

ГЛАВА XXVI. ЭКСТАЗЫ, ВОСТОРГИ И ВИДЕНИЯ СВ. ФИЛИППА

[354] Выше мы частично обозрели выдающиеся добродетели св. Филиппа, а в продолжение сего, воззрим, пожалуй, собравшись со скромными силами нашими, также и на благодатные дары, ниспосланные ему свыше.

Итак, мы уже рассказывали, что Бог милостиво наделил его невероятным человеколюбием и одарил [способностью к] возвышенной молитве, но помимо того Филипп испытывал частые духовные восторги, при которых вновь и вновь восхищаем был в вышняя и «слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:4). И хотя, будучи смиреннолюбив, он всеми силами старался обуздывать и скрывать сии восхищения и экстазы, однако порывов любви – пламенных и бурных – ему никак не удавалось сдерживать.

Когда отцы-доминиканцы были весьма обеспокоены по чрезвычайно важному поводу и назначили в своей святой обители сорокачасовую молитву внутри общины, то пригласили заодно и Филиппа, ибо он неотлучно бывал при них в невзгодах. Итак, благочестивый отец явился вместе с Таруджи и другими своими духовными чадами, а когда, преклонив колени перед алтарём, молился, то внезапно погрузился в экстаз и, уставив взор на священную гостию, пребывал с безмятежным лицом без движения.

Первым сие заметил отец Анджело Дьячети (который в то время возглавлял киновию, а впоследствии стал епископом Фьезоле). Вместе с одним из тамошних отцов он приблизился к Филиппу, несколько раз окликнул его, взял за руку и почувствовал, что его конечности холодны и неподвижны. Предположив, что Филиппу стало отчего-то дурно, о. Анджело распорядился перенести его в соседнюю комнату, где он довольно долго оставался без чувств, а когда наконец пришёл в себя, воскликнул: «Победа, победа! Услышана наша молитва!»

Сие зрелище привело Дьячети в изумление, но, окончательно уразумев, что это был отнюдь не обморок, он засыпал святого вопросами, что произошло и какую такую победу он одержал. Поначалу Филипп отпирался, но затем, устав от множества просьб, молвил: «Да будет вам ведомо: дело обернулось благополучно – наши молитвы были услышаны». Поскольку его продолжали выспрашивать, что именно ему было явлено Богом, он ответил, что видел в священной гостии Иисуса Христа в телесном облике, Который благословил всех, кто собрался там на молитву, так что подобает возблагодарить Бога и прославить Его за одержанную победу.

И на самом деле, выяснилось, что в то самое время, когда Филипп произнёс эти слова, Папа вынес решение по делу в пользу отцов.

[355] Пришёл к слуге Христову однажды Фабрицио де Массими, чтобы, как обычно, очистить совесть [на исповеди]. Толкнув дверь (которая и так была приоткрыта), он тихонько вошёл и застал Филиппа, погружённого в молитву: с воздетыми руками и взором, уставленным в небо, он едва не парил над землёй.

Замерев на миг от такого зрелища, Фабрицио подступил поближе и приветствовал Филиппа. Однако святой, хотя лицо его было обращено [к вошедшему], ничего не видел и не слышал, словно совершенно лишился чувств. Поэтому Фабрицио снова замер, заглядевшись на наставника, ибо сие зрелище чудо как его услаждало. Прошло долгое время, когда отец пришёл в себя, заметил рядом Фабрицио и спросил, как тот вошёл. Когда же он ответил, что нашёл дверь полуоткрытой, Филипп не сказал больше ни слова, а выслушал его исповедь и отпустил.

Франческо де Молара, упоминавшийся уже выше, также однажды явился к святому, намереваясь очиститься в таинстве исповеди. Он застал Филиппа сидящим и полностью погружённым в созерцание небесных тайн, так что, хотя глаза его были открыты, он ничего не видел. Поэтому, когда Франческо, как было принято, преклонил перед ним колени, то заметил, что тот отрешился от чувств, и пришлось довольно долго дожидаться, пока святой наконец не придёт в себя.

[356] Однажды человек Божий находился в храме, где скромно расположился, как обычно, на табуреточке подле капеллы Посещения Пресвятой Девы Марии; он очень любил проводить там время, потому что ему весьма нравилось изящное изображение Богородицы кисти Федерико Бароччи, и вдруг во время молитвы его охватил экстаз.

Неподалёку оказались несколько девушек (его духовные дочери), которые, заметив это, подошли к нему. Они долго наблюдали за ним, затем стали тормошить и трясти, пока он наконец не пришёл в себя. Тогда он, чтобы понадёжнее скрыть происшедшее, резко встрепенулся, встал и с притворным гневом позвал Галлонио, приказав ему затем выгнать взащей «этих несносных баб», которые бесцеремонным своим галдежом нарушили его покой.

Паоло Рикуперати, референдарий обеих Сигнатур (*т.е. канцлер двух органов высшего канонического суда Римской курии: Сигнатуры правосудия и Сигнатуры милости. – прим. пер.*) и близкий друг Филиппа, пришёл к нему вечером (святой тогда пребывал в обители Милосердия и ужинал с Джованни Анимучча). Итак, святой вышел из-за стола, чтобы выслушать исповедь гостя, но когда простёр руку, чтобы дать отпущение, на душу его снизошёл экстаз, и он долго оставался неподвижен, пока, наконец, не пришёл в себя и не продолжил исповедь.

И это же приключалось весьма многим, кто приходил к нему с той же целью: они заставляли его в глубочайшем исступлении духа, полностью отрешённым от чувств.

[357] Позднее, году примерно в 1585, Антонио Галлонио пришёл на рассвете к блаженному старцу (ибо паче прочих ухаживал за ним) и обнаружил, что тот бездвижно лежит в кровати. Итак, подумав, что святой, возможно, наконец заснул после долгого бдения, а скорее даже молится в глубочайшем сосредоточении, Антонио в молчании, стараясь ступать как можно тише, вышел. Когда же рассвело, он вновь вернулся к Филиппу, а когда открыл окна, ему показалось, что тот при смерти: безгласен, бездвижен.

И вот, после того, как по его зову срочно явились отцы и врачи, то стали пытаться привести святого в чувство, используя всякого-рода средства, вроде прижиганий и раздражающих мазей, ибо возомнили, что его хватил удар. Поскольку же лечение почти никак не помогло Филиппу, но признаки жизни он всё-таки какие-то подавал, Джанфранческо Бордино уделил ему, как умирающему, таинство елеосвящения.

По свершении сего обряда Филипп сразу пришёл в сознание и, открыв глаза, воззрел на рыдающих отцов вокруг. Когда же кто-то из них сказал: «Плохо тебе наверняка было, отче», – он ответил: «Ничего худого со мной не случилось, кроме того, что вы сами мне причинили». Стало совершенно очевидно, что это был отнюдь не обморок, а исступление духа.

Впрочем, такое происходило с ним нередко, и, возможно, именно поэтому он был вынужден, собираясь ко сну, время от времени говорить: «Ступайте ныне, а если завтра найдёте меня мёртвым, похороните».

Ну а при священнодействии ему то и дело доводилось переживать сии божественные явления, чему свидетели те, кто прислуживал ему на литургии; особенно кардинал Оттавио Паравичино, который некогда, ещё будучи молод, в течение почти двадцати лет исполнял при нём обязанности алтарника, а также многие другие.

[358] Когда он отправлялся к Понтифику, то молвил отцам: «Молитесь за меня Господу, чтобы я не терял рассудка», ведь ему было известно по опыту, насколько трудно было в присутствии Наместника Христова сдерживать такого рода экстазы и порывы божественной любви.

Кроме того, он довольно часто поднимался в воздух всем телом, что подтвердил, среди прочих, Паоло Камилло, кардинал Сфондрато, который незадолго до ухода из сей жизни рассказывал Верховному понтифику Павлу V, как собственными глазами наблюдал слугу Божьего в молитве, парящего на несколько локтей над землёй, почти под самыми балками комнаты.

Джамбаттиста Модино, о котором мы выше упоминали, был поражён столь опасным недугом, что его жизнь висела на волоске. Тем временем явился Филипп, проведаль его, а затем удалился в другую комнату – молиться о его выздоровлении Богу.

После полуночи несколько домочадцев хватились Филиппа и стали искать его, а когда нашли, оказалось, что он висит в воздухе, осиянный небесным светом. Увидев сие, они в изумлении воскликнули: «Скорей, бегом сюда!» На их крики сбежались все и узрели слугу Божьего, парящего под кессонами и озарённого сиянием свыше.

Спустя полчаса отец, придя в чувство, вернулся к больному и, возложив ему руку на голову, молвил: «Ободришь, не умрёшь» (*ср. Суд. 6:23*). Услышав сие, больной, утративший было голос, снова его обрёл и беседовал со святым так легко и непринуждённо, словно бы ничего худого не претерпел. В итоге через несколько дней он полностью выздоровел.

[359] В том же виде – вознесённого в молитве и окружённого ярчайшим сиянием – видел его и уроженец Рима Грегорио Озес прежде вступления своего в орден доминиканцев, о чём самолично засвидетельствовал.

Помимо того, порой он против своей воли переживал подобного рода экстазы и восхищения также в общественных местах, в церквях даже. Например, когда он однажды молился в Ватиканской базилике у гробницы апостолов, внезапно увидели, как, оторвавшись от пола (*toto corpore*), воспаряет вверх (причём одежды так облекали его, будто он стоял на коленях и касался земли), а затем возвращается на место. Однако, испугавшись, что окружающие могли заметить это, он тут же выбежал оттуда.

Поэтому, поскольку сие часто случалось с Филиппом, когда он с учениками приходил в какой-либо храм, то, почтив Всевышнего Молитвой Господней, а Божию Матерь – Ангельским приветствием, он сразу затем вставал, чтобы, замедлив, не впасть в божественное созерцание.

Ещё многие наблюдали, как он возносится в воздух во время священнодействия. Так, в киноии Торре-ди-Спекки, когда он также совершал Святую Мессу, несколько тамошних инокинь видели его парящим на высоте трёх-четырёх локтей над землёй.

А когда в церкви святого Иеронима то же самое увидела некая девочка, она тут же обратилась к матери и сказала: «Думаю, этот человек одержим: видишь, как он держится в воздухе?» А та ей: «Тсс, этот человек святой! Он пребывает в экстазе».

Также и Сульпиция Сирлети, не раз видев сие, подозревала то же самое, а когда пришла по своему обыкновению к святому на исповедь, то стыдилась признаться, как обстояли дела. «Я сказала...», – начала она, но от смущения не смогла молвить дальше. А Филипп ей: «Ну же, глупышка, ты ведь злословила меня?» Когда ж она кивнула, святой отец продолжил: «Так что же ты сказала?» А Сульпиция в ответ: «Вчера, когда вы служили мессу, я увидела, как вы поднимаетесь в воздух, и...» Тут слуга Божий, жестом призвав к молчанию, молвил: «Тише!» Но она закончила: «Тогда я сказала про себя: «Этот человек наверняка одержим». И тут Филипп, радостно ликуя и улыбаясь, воскликнул: «Да конечно, так и есть! Одержим!»

[360] А ещё весьма часто при богослужении вокруг его головы виделось божественное некое сияние.

Однажды он литургисал у главного алтаря нашей церкви и дошел до того места, где священник обычно поминает живых; тогда-то один из присутствовавших, сиенец Аурелио Баччи, увидел, что голову его окружает некое золотое сияние, которым он был увенчан, словно бы диадемой. Опасаясь, однако, что это может быть лишь обман зрения, он многократно отводил взгляд в сторону, но, вновь глядя на Филиппа, видел то же самое. Наконец, он протёр глаза руками и платком, но, осмотревшись, ни на ком другом не увидел ничего подобного сему сиянию или блистанию, которое, между тем, продержалось на голове Филиппа вплоть до того, как он принял Тело и Кровь Христовы.

Не раз также некая девочка лет двенадцати видела, как он при литургии в храме св. Иеронима парил над землёй, окутанный ослепительно-белым облаком; и хотя он был одет то в красное, то в зелёное, то в чёрное, взору её он всё равно представлял белоснежным и блистающим.

Муцио Аккиллеи, о котором мы прежде упоминали, также время от времени видел, как во время литургического жертвоприношения лик его окружает золотое блистание.

[361] В те давние времена, когда Виченцо Лантери, архиепископ Рагузы, был юн, святой часто часто в шутку дёргал его за волосы или давал легонько тумака. Однажды оный Винченцо, встретив Филиппа, остановил его, схватив за правую руку, и почтительно облобызал её – и заметил, что она блещет ярче чистого золота и сияет яснее луча солнечного. Глубоко потрясённый сим зрелищем, он тут же помчался в Валличеллу, где подробно поведал о случившемся Томмазо Боццио, который подтвердил, что и другие наблюдали то же самое. Можно было бы привести ещё много подобных примеров, но время не ждёт, и мы сознательно их опускаем.

Помимо всех описанных нами даров, уделённых свыше Филиппу, что мы описали, стоит также рассказать о чудесных видениях и откровениях, коими Бог укреплял его

почти каждую ночь. Однако мы отнюдь не намерены пересказывать их все, а приведём лишь несколько примеров, которые, насколько мы можем судить, могут оказаться наипаче душеполезны.

[362] Итак, прежде чем Филипп принял священный сан и ещё ничего на этот счёт не решил, он возносил к Господу горячайшие молитвы, прося открыть ему Свою волю. И вдруг перед рассветом предстал молящемуся в видении Предтеча Господень. Сие явление наполнило его таким восторгом, что он всем телом возликовал, а после непродолжительного исступления духа почувствовал, что не может помыслить ни о чём другом (как он сам потом доверительно рассказал кардиналу Федерико Борромео), кроме того, что призван в Рим ради спасения ближних и полнейшего отрешения от мирских страстей. Это же ему явственно подтверждали ещё двое [святых из сонма] блаженных духов. Поэтому, вняв откровениям, ниспосланным ему Богом, подкреплённым словами, услышанными им от Августина Геттини (как уже говорилось выше), он всю свою жизнь оставался верен своему призванию.

Уже после рукоположения в священный сан молился он в навечерие Рождества вместе с Костанцо Тассоне и музыкантом Себастьяно, о которых говорилось прежде. И вдруг перед ним посреди алтаря предстал Иисус Христос в младенческом облике. Тогда, обратившись к своим товарищам, Филипп спросил: «Разве вы не видите младенца Иисуса на алтаре?» Когда же те ответили, что ничего подобного не видят, он смолк и снова предался молитве.

[363] Когда Филипп однажды служил мессу, его духовный сын Чезаре Томмазо из Рипатрансоне, заметил, что после вознесения и освящения гостии он долго стоял неподвижно, прежде чем вознести чашу. Наконец по свершении таинства он с радостным и улыбающимся лицом вернулся в ризницу. Когда Томмазо доверительно спросил его о причине такого поведения, святой промолчал, лишь улыбнувшись. Однако тот ещё настойчивее расспрашивал, умолял, заклинал. В итоге отец, уступив его просьбам, сказал откровенно, что обычно во время освящения перед его духовным взором являлась слава блаженных. Однако он строго запретил сообщать кому-либо об этом.

[364] А ещё он по особой милости Божией созерцал души близких ему людей, когда они восходили на небеса. Среди них был и Марио Тозини, один из первых, кто вступил в Общество Пресвятой Троицы, человек, прославившийся чистотой нравов (его деяния описал Бонсиньорио Каччагуэрра). Так вот, как только он преставился от сей жизни, то немедля явился блаженному отцу среди глубокой ночи в видении и громким голосом призвал его раз, а затем снова: «Филипп, Филипп!» Когда же святой поднял взор, то увидел, как его душа, сияющая ослепительным светом, уносится ввысь и восходит во всеблаженные обители небесные. На следующее утро он получил весть о его смерти и узнал, что тот скончался в тот самый миг, когда явился ему. Именно это святой при случае поведал нескольким из своих учеников, когда рассказывал о святой жизни и благочестии Тозини.

[365] Винченцо Миниаторе, тоже один из первых членов того же общества, а также духовный сын Филиппа, проведя исполненное святости житие, почил, а в ночь, когда

восходил на небеса, явился Филиппу, сияя необычайным светом. Поэтому наутро блаженный отец отправился к его жене и обратился к ней с такими словами: «Твой муж этой ночью постучал в мои двери и настоятельно поручил мне заботу о тебе и твоём семействе». С того самого дня Филипп, как уже было сказано, взял на себя заботу и попечение о её доме.

[366] Маркантонио Кортезелли из Комо, любимейший духовный сын святого отца, муж, всецело преданный молитве и прочим благочестивым трудам, многие годы с величайшим радением управлял хозяйственными делами капуцинов и, наконец, в доброй старости упокоился. Когда же его по христианскому обряду перенесли в храм святой Екатерины неподалеку от обители Милосердия, Филипп вместе с Антонио Галлонио и каким-то другим священником также отправился туда и, внимательно посмотрев на усопшего, заказал его портрет. На это обратил внимание священник и был озадачен, а Галлонио молвил: «Не удивляйся, ведь отец сказал мне, что сей самой ночью он видел душу Кортезелли, сияющую ярчайшим светом, и вёл беседу с ней часа четыре или пять, после чего она счастливо воспарила на небеса».

Кроме того, покойный был столь высокого мнения о добродетели и святости Филиппа, что открыто говорил Паоло Маджи, священнику и префекту Святого Пенитенциария: «Хотя ныне совсем не осознают, что Филипп за человек, но когда умрет, тогда, наконец, осознают».

[367] Елена де Массими, дочь Фабрицио, о котором мы многократно упоминали, блистала всяческими добродетелями. Тринадцати лет от роду она исполнилась пламенной любви ко Христу и, избрав Филиппа себе в духовники, почитала его чуть ли не как самого Бога и никогда не преступала его воли. Всякий раз, когда она обращалась мыслями ко Страстям Господним, заливалась слезами; к таинству Исповеди и Евхаристии она приступала не реже трёх раз в неделю, тоже не без обильных слёз; в молитве она черпала повседневную пищу для духа; а в смирении доходила до того, что считала себя самой ничтожной из всех; и считала, что нет ничего дороже и важнее, чем пострадать ради Христа и приобщиться к Его мучениям, – поэтому в последние дни своей жизни, благочинно укрепившись священным Напутствием, она увидела Иисуса Христа, Который окропил её душу Своей драгоценной Кровью, и, получив предсказание о дне своей смерти, она в конце концов с великим ликованием духа преставилась к Жениху. Так вот, в самый миг преставления Филипп увидел, как ангелы спускаются, а затем несут её душу на небеса, и слышал, как те же ангелы воспевают псалмы на еврейском языке, о чём он сам напрямую поведал Цезарю Баронию.

[368] Наконец, все, кто был близок слуге Божию, имели уверенность в том, что никто из его духовных чад не покинул этот мир без того, чтобы он тотчас же о том не узнал. Помимо же тех, о ком мы уже говорили, он видел, как в миг кончины восходили на небеса Лавиния де Рустичи, первая жена Фабрицио де Массими; её дочери Елена и Сколастика, которые провели достохвальное и благочестивое житие в римской киновии Торре ди Спекки; Патрицио Патрици и Вирджилио Крешенци. Чтобы утешить сыновей последнего и развеять всякую скорбь, святой молвил:

«Будьте спокойны: ваш отец на небесах – заверяю вас в этом». И он не раз повторял эти слова.

Помимо оных дано ему было увидеть преставление на небеса также множество других его духовных чад, но, стремясь к краткости, мы их здесь не упоминаем. Однако сам он ясно дал понять кардиналу Федерико Борромео, что сие было ему в высшей степени привычно. По этой причине он часто говорил, что словами невозможно выразить, насколько прекрасны души тех, кто умирает в Господе.

И было всем столь хорошо известно и ясно, что Филипп получил сей дар от Бога, что Джанантонио Луччи, утратив мать, открыто попросил его, помолившись, узнать у Господа о её участи. Ну и после молитвы святой молвил ему: «Можешь радоваться от всего сердца: мать твоя на небесах». Услышав сие, Луччи не смог сдержать слёз от счастья. То же самое Филипп заявил при кончине его отца и, словно обосновывая свои слова, добавил: «Со мной случилось то же самое, что и некогда при кончине моего отца». Из чего ясно можно понять, что отец Филиппа достиг райского блаженства, и сие – кто бы усомнился! – следует приписать молитвам и заслугам столь великого сына.

[369] Упоминавшийся нами выше Джованни Анимучча, выдающийся знаток музыкального искусства и капельмейстер Ватиканской базилики, ежедневно захаживал в наш Ораторий, приводя с собою множество певчих, которые по завершении проповедей, исполняли обычно священный гимн. Когда же он вверил себя руководству Филиппа, то так возлюбил чистоту душевную и телесную, что с того дня и до самой смерти обращался со своею женой, как с сестрою. И вот ещё какую особую милость он обрёл от Бога: в течение почти что всей жизни его терзали муки духовной мнительности (*scrupulorum molestia*), но когда его постигла последняя болезнь, почувствовал полное освобождение от терзаний и почил в полнейшем спокойствии.

Случилось так, что спустя три года после его кончины некий португалец Альфонсо на закате выходил из Оратория св. Иеронима. И вдруг прямо на улице явился ему Анимучча и дружелюбно спросил, завершились ли в Оратории духовные упражнения. Альфонсо ответил утвердительно, даже не задумавшись, что Анимучча уже давно умер. Тогда Анимучча добавил: «Скажи, пожалуйста, отцу Филиппу, – продолжил тогда Анимучча, – чтобы он вознес за меня молитву ко Господу». Сказав это, он скрылся из виду.

Когда же до Альфонсо дошло, что к чему, мысль о том событии привела его в ужас, и он поспешил к святому, чтобы рассказать о случившемся. Он же велел ему на следующее утро публично рассказать обо всем в Оратории. Затем Филипп сделал пожертвования во многих храмах Города, чтобы там отслужили мессы за душу Анимуччи, и распорядился свершить торжественную литургию в его память в храме св. Иоанна общины флорентинцев. Когда жё всё сие было исполнено, он открыто и публично объявил в Оратории, что Анимучча вышел из Чистилища и достиг Рая.

[370] Филипп прозревал не только души умирающих, но и живых. Поэтому он часто говаривал о св. Игнатии, основателе Общества Иисусова, что внутренняя красота сего святейшего мужа столь велика, что сияет даже на его лице; и утверждал, что наблюдал, как его лик лучится божественным светом. То же самое говорил он и о св. Карле: мол, видел лицо его как лицо ангела (*ср. Деян. 6:15*).

Кроме того, он видел блистание необычайного света на лице некоего юноши, одного из своих духовных сынов, имя кому было Джамбаттиста Сарачени, который впоследствии вступил в Орден проповедников и принял имя Петра Мученика. Причём, отличившись выдающимися добродетелями, он достиг высших должностей в этом ордене и, назначенный Генеральным Викарием, увенчал святое своё житие соответствующим концом.

Кроме того, Филипп неоднократно примечал, как сверкают глаза и лица у некоторых монахов-картезианцев, когда они возвращаются с молитвы.

[371] При этом, если для утешения Филиппу было дано видеть небесных духов и души праведников, то для своей и других пользы – также злых духов.

В ту пору, когда он жил в обители Милосердия, предписал он Джанантонио Луччи изгнать беса из одной одержимой, а вдобавок выхлестать её бичами. И вот на следующую ночь злой и гордый дух предстал взору Филиппа в ужасном облики и наполнил его комнату таким зловонием, что Божий слуга ещё долгое время его потом ощущал.

Был он как-то раз в Оратории при обители Милосердия, и находился там при нём среди прочих Габриэлло Палеотто. Когда по обычаю пошла беседа о божественных предметах, Филипп внезапно встал и молвил: «Ого! Злой бес пытается войти к нам. Братья, падите ниц и Богу молитесь!» Затем он и сам преклонил колени и, подняв десницу, отразил многогнусного супостата крестным знамением со словами: «А не войдёшь ты сюда!» Едва он это сказал, враг сразу исчез из виду, и можно было спокойно вернуться к прерванным духовным упражнениям.

Однажды блаженный отец по обычаю своему сошёл в храм, и вдруг явился пред ним премерзостный обманщик, приняв облик мальчика шести-семи лет, который держал в зубах платок и хихикал. Тогда святой, строго возрев ему в лицо, велел убираться прочь; и, едва прозвучали эти слова, бес исчез, словно дым (*ср. Пс. 67:3*). В это время там случайно оказался Галлонио, и Филипп спросил его, заметил ли он мальчика, а когда тот ответил утвердительно, отец молвил: «Знай же, что это был не мальчик, а бес, который, вне всякого сомнения, замышлял что-то худое».

[372] Проходя мимо терм Диоклетиана, Филипп увидел на древних оных сводах злобного беса в юношеском облике и, внимательно к нему приглядевшись, заметил, как он, то и дело меняя свой облик, представляется то молодым, то старым, то прекрасным, то уродливым. Тогда святой во имя Господа повелел многогнусному хитрецу немедля исчезнуть, и, едва произнес эти слова, тот растаял в воздухе, оставив после себя вокруг препротивный запах.

А запах тот был как бы серный, и хотя чаще всего его ощущал только сам Филипп, иногда и другие обоняли его наравне с ним. Так, например, после того, как он однажды возложил на одержимую руку, то она от сего прикосновения пропиталась столь тяжёлым запахом, что он чувствовал его несколько дней и не мог избавиться от него, хотя использовал мыло и другие подобного рода очищающие средства. Поэтому он давал понюхать эту руку многим своим ученикам, чтобы, ощутив сие зловоние, они изо всех сил избегали заразы греха.

[373] И вообще, диавол столь люто ненавидел его, что, едва он приступал к благочестивым трудам, обязательно подвергался особо злобному противодействию. Так, во время ночной молитвы враг предстал перед святым в грозном и ужасном облики, но он, призвав на помощь Матерь Божию, тут же сего разнузданного наглеца прогнал.

Однажды он уединился для молитвы в верхней части своей комнаты, однако злой дух, не в силах этого снести, стал бросаться нечистотами и замарал ему одежду. В другой раз он пытался придавить его тяжелой доской; часто ещё, когда он болел, гасил ему лампу, а ещё чаще в его комнате раздавались страшные шумы, так что Галлонио, живший ниже, то и дело был вынужден прервать сон и мчаться к Филиппу, но как бы внимательно он ни осматривал всё вокруг, ничего не видел, из чего с полной ясностью заключал, что сие было бесовскими проделками. Ну и сам святой нередко молвил: «Этой ночью бес пытался меня застрашать, но я призвал Богородицу, и Она спасла меня».

[374] Поскольку же на долгом опыте Филипп с Божией помощью научился, что между истинными случаются и ложные видения, всякий раз, когда заводил о них речь, повторял общее правило святых отцов: не следует необдуманно доверять видениям. И хотя он сам чрезвычайно часто испытывал озарения ума и восторжения к Богу, однако, когда они случались на виду, очень огорчался из-за них, ведь (как сам говорил) здесь кроется большая опасность. По этой причине, если Бог всё-таки ниспосылает видения, лучше бы они случались подальше от свидетелей, а держать их следует в строжайшей тайне.

Также он добавлял, что видения, как истинные, так и ложные, случаются время от времени даже с теми, кто их отнюдь не ищет; поэтому никто, каким бы он ни был чужд им душою, не застрахован от прелести.

Помимо того он молвил, что трудно, испытать какое-нибудь сверхъестественное видение и не возгордиться, однако ещё труднее думать, что недостаточно достоин его, а наитруднейшее – счесть себя недостойным совершенно и усладе видений предпочесть терпение, смирение, послушание. Более того, те видения и откровения, которые не приносят никакой явной пользы ни Церкви, ни самим их получающим, ни другому кому-нибудь, следует считать совершенно ничтожными.

Он старался втолковать – особенно тем, кто принимает исповеди, – что не следует легко верить откровениям, [о которых рассказывают] кающиеся, особенно женщины, ведь нередко кажется, что [эти переживания] приносят пыл духовный, но

чаще всего он быстро проходит и пропадает; и многие, гонясь за подобного рода духовными отрадами, потерпели плачевное крушение.

[375] По этой самой причине он часто наставлял своих учеников отгонять насколько возможно таковые [видения] от себя, заверяя, что тем самым они не оскорбят Бога, ведь это, по его словам, один из способов отличить истинное видение от ложного. Поэтому, когда однажды он начал в Оратории проповедь и внезапно почувствовал некий порыв духа, то сделал над собой огромное усилие, чтобы не впасть в экстаз. Когда же он более не мог продолжать речь, ударив себя по бедру, молвил: «Кто ищет видений и экстазов, тот совершенно не знает, чего ищет!» Затем, разразившись слезами, он был вынужден покинуть помещение.

В другой ещё раз, когда Джанфранческо Бордини там же в Оратории, воспользовавшись случаем, заговорил на ту же самую тему, Филипп после его речи поднялся на кафедру и заявил, что хочет кое-что добавить к только что сказанному. Затем молвил: «Я лично знал одну весьма набожную женщину, которая долгое время непрестанно испытывала экстазы, которые Бог у неё в конце концов отнял. Скажите же, в какую пору, по-вашему, я ценил её выше: когда она испытывала экстазы и восхищения, или же когда была их лишена? Так вот, мне она казалась куда выше, когда была лишена их». Сказав это, он сошёл с кафедры и удалился.

[376] Услыхал он как-то раз, что некоей девице, терциарке (как говорят) доминиканского ордена, часто является Господь, а ещё чаще – св. Екатерина Сиенская. Когда его спросили, как, по его мнению, следует к этому относиться, он ответил: «Женщины легко поддаются обману; так что накажите ей, дабы всякий раз, когда ей предстают такого рода образы, она полностью отвергала их, вменяла в ничто и презирала их. Более того, пусть плюнет в лицо любому, кто явится ей в видении!» А поскольку девица соблюдала сие правило, как если бы оно ниспослано было с небес, то получила от сего немалую пользу.

Франческо Марии, известному под прозванием Феррарец (мы упоминали его выше), привиделась ночью Богородица Дева, осиянная небесным светом. Когда же он утром рассказал об этом Филиппу, святой молвил: «Та, кого ты видел, была никакая не Богородица, а злой бес; поэтому, если снова придёт, плюнь в неё». На следующую ночь перед ним опять предстала мнимая «дева», он же, помня наказ, плюнул в лицо ей, и призрачный морок мгновенно исчез. Вскоре после того, когда он пребывал в молитве, перед ним действительно явилась Мать Божия, а когда он собрался было плюнуть в Неё, Дева молвила: «Плюнь, если сможешь». Он попробовал, но язык и нёбо его рта настолько пересохли, что он никак не мог собрать слюны. Тогда молвила ему Богородица: «Ты прекрасно послушал совета отца», – и оставила его, преисполненного невероятной радости.

[377] Антонио Туччи, врач, которого мы упоминали в другом месте, проводывал тяжелобольную инокиню, отличавшуюся святостью жизни. И довелось ему однажды застать её в состоянии, когда дух её полностью был восхищен к Богу. Когда же она пришла в себя, то, обратившись к Туччи, молвила: «Я только что видела тебя в раю. О, как прекрасен ты был!» Услышав сие, он пошёл к Филиппу и рассказал ему обо

всём, а в тот же день впал в болезнь. Она день ото дня становилась всё тяжелее, и враг рода человеческого, дабы его обмануть, приняв вид врача, часто его навещал и заверял, что он непременно выздоровеет и долго ещё проживёт. Туччи же пересказал это Филиппу, который захаживал к нему каждый день. Он же, распознав дьявольскую уловку и предвидя будущее, прямо заявил ему, что то был никакой не врач, а бес. Итак, когда обман оказался разоблачён, Антонио полностью подчинился воле Божией и через несколько дней завершил благочестиво и похвально прожитую жизнь сообразною ей смертью.

На этом примере блаженный отец обычно наставлял своих учеников: когда при болезни становится хуже, отнюдь не следует легко верить видениям и откровениям, особенно тем, в которых обещается долголетие, ибо чаще всего это лишь прелесть бесовская и уловки хитроумного обманщика, который сладостной надеждой бесчестно силится ввести несчастных смертных в заблуждение, чтобы они дошли до последнего издыхания неподготовленными.

[378] Маттиа Маффеи, священник и ученик Филиппа, исцелённый им от тяжкого недуга (о чём мы в свое время расскажем), на следующую ночь после чудесного выздоровления увидел сон, вполне заслуживающий внимания и весьма любопытный. Итак, привиделось ему, что идёт он, ведомый Филиппом, по обширному полю, а там – бесчисленное множество князей и владык, разряженных в пурпур и золото. А в тот самый миг, как он воззрел на них, всё сие великолепие вспыхнуло пламенем и сгорело. Между тем, огромное сонмище бесов заполнило всё[поле], а один из злых духов, [зацепив Маффеи] крюком, принялся изо всех сил тащить его в пламя.

Когда же он мужественно защищался от супостата, Филипп любовался этим зрелищем, словно бы оно доставляло ему несравненную радость, а в конце концов, схватив его за руку, молвил: «Молодчина, Маттиа, держись!» – и повёл его через непролазные заросли терний, причём сам святой муж проходил через острейшие колючки без вреда для себя, а Маффеи, которого он тащил, выл от сильной боли. Затем Филипп вывел его на другой луг, чрезвычайно прекрасный, за которым плавно возвышался некий холм, где на краю виднелись три ангела в драгоценных одеждах. Двое из них держали зажжённые свечи в канделябрах, а третий нёс в руках пред собою Крест. За ними следовала огромная толпа дев, вдов и замужних женщин, многие из которых воздавали Филиппу положенную честь, а некоторые ласково зазывали Маффеи пойти вместе с ними, он же от страха не осмеливался произнести ни слова, а святой на это отвечал: «Ещё не время, ведь он ещё не вполне хорош».

А сонм блаженных шёл по дороге, обсаженной по обеим сторонам цветущими деревьями, на вершинах которых сидело множество крылатых малышей, которые там-сям отламывали усыпанные цветами веточки и посыпали ими проходящую толпу, одновременно сладко напевая «Gloria in excelsis Deo» (Слава в вышних Богу) и другой гимн – «Jesu corona Virginum» (Иисусе, венец дев). Наконец, когда счастливое воинство вошло на вершину холма, вступило оно в некий ослепительно блистающий дворец. Но тут Маффеи пробудился, и сновидение исчезло.

[379] Итак, утром, едва рассвело, он подался к Филиппу, чтобы, по обыкновению, очистить свою совесть [в таинстве исповеди]. Но не успел он и слова сказать, как святой спросил его, верит ли он в сны. Тогда-то Маффеи, воспользовавшись случаем, стал рассказывать о том, что было в ночном видении. А отец с суровым видом тут же молвил: «Кыш! Кто стремится к раю, тому следует быть добрым и честным христианином, а снам верить не следует».

Он часто повторял такую мысль: «Тех, кто пытается летать без крыльев, нужно за ноги тянуть к земле, чтобы не впали они в силки дьявола»; и сими словами он прозрачно намекал на тех, кто гоняется за видениями, снами и тому подобным.

ГЛАВА XXVII. КАК БЛАГОДАРЯ ПРОРОЧЕСКОМУ ДУХУ ФИЛИПП ПРЕДСКАЗЫВАЛ МНОГИМ СМЕРТЬ, ИСЦЕЛЕНИЕ И ВСЯКОГО РОДА ДРУГИЕ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ

[380] Что ещё отличало Филиппа, так это дар пророческий: он и будущее предсказывал, и происходящее вдали видел, и тайны сердец прозревал. Однако, чтобы не превысить намеченного объёма книги (ведь по непреложному свидетельству многих, на эту тему можно было бы написать целые тома, а Святая Конгрегация Обрядов открыто провозгласила о Филиппе: «В даре пророчества не найдено равных ему»), мы выбрали лишь несколько [примеров], по которым легко понять, сколь великой [прозорливостью] озарил его Бог. Начнём, пожалуй, с тех случаев, когда Филипп предвозвещал смерть.

Костанцо Тассоне, которого мы упоминали в другом месте, был вызван из Милана в Рим Его Святейшеством понтификом Пием V и, будучи глубоко предан Святому Отцу, безотлагательно отправился к нему, а остановиться намеревался в обители Милосердия. И вот некто, увидев его из окна, тут же примчался к святому и молвил: «Костанцо идёт к тебе, отче». Филипп тогда велел двум юношам, Оттавио Паравичино и Джерманико Фидели, улечься по подобию мёртвых в гробу на пороге двери, которой должен был войти Костанцо. Потрясённый сим зрелищем Тассоне попросил не заграждать прохода, однако ни тот, ни другой не двинулись с места, пока Филипп не повелел им. Когда же они наконец поднялись, Костанцо бросился в объятия Филиппа, но вскоре после этого его внезапно поразила болезнь, и через пятнадцать дней он блаженно почил.

[381] В Чистый Четверг Джананджело Кривелли в полном здравии пришёл к Филиппу, чтобы приступить к таинству исповеди, а отец, всмотревшись ему в лицо, молвил: «Будь готов, сыне; Бог чего-то требует от тебя». На что Кривелли тут же ответил: «Что Ему угодно, то да сотворит (1 Цар. 3:18), а я всё охотно приму из руки Его». Тогда святой: «Однако же, если Бог ниспошлёт тебе что-то чрезвычайно тяжкое, снесёшь ли ты сие со спокойной душою?» – «Снесу с полнейшим спокойствием, – последовал ответ, – с помощью благодати Его». «Ну тогда давай, – молвил Филипп, – готовься душою, ибо в пасхальные праздники Бог призовет тебя». Выслушав сии слова, Кривелли ушёл, а в тот же день его охватила горячка, и через три дня он преставился.

Однажды утром святой призвал Франческо де Молара и спросил: «Что бы ты сделал, если бы твоя жена умерла?» Поскольку же он сказал, что не знает, что будет в этом случае делать, Филипп продолжил: «Ну так подумай, что будешь делать, если у тебя умрёт жена». И не прошло даже десяти дней, как его жена (а была это Фульвия де Кавальери, отличавшаяся до того отменным здоровьем), заболела острой горячкой и в течение пятнадцати дней умерла.

[382] Как-то раз заболел Джироламо Корделла, славный врач и сердечный друг Филиппа, поэтому его жена срочно послала к блаженному отцу человека с вестью о болезни мужа и просьбой усердно о нём молиться ко Господу. Однако не успел вестник ещё подняться по лестнице и ничего не сказал, как Филипп молвил: «Бедный Корделла! Ведь он умирает: пора ему». Все присутствующие пришли в изумление, ведь о том, что происходило с Корделлой, ещё и слыхом не слыхивали. Ну а когда вестник тут же доложил о его недуге, Филипп снова: «Бедный Корделла! Течение жизни его завершилось; скоро уйдёт он». Тогда спросили святого: «Что ж тогда, отче, если тело его уже обречено, может, постараемся хотя бы душе его пособить?» А святой им на то со свойственной ему [горячностью]: «Конечно-конечно! С величайшей охотой!»

Врач проболел восемь дней, и когда Галлонио и Консолини, придя в утренних сумерках, внесли светильник, он молвил: «Итак, Корделла умер. В такой-то час ночи, не так ли?» Но, смекнув, что они не могли об этом ничего знать, перевёл разговор на другую тему.

Между тем послали человека подробно узнать, что происходит, и обнаружилось, что Корделла испустил дух ровно в тот час, который назвал Филипп. И вот о чём ещё нельзя тут умолчать: позднее он признался кардиналу Агостину Кузано, что был рядом с Корделлой, когда тот умирал, хотя и не покидал в это время своей комнаты.

[383] Оринтия Колонна, супруга Помпео Колонны, была женщиной весьма славной как родовитостью своей, так и благочестием, ибо она часто хаживала в богадельню св. Иакова, где по человеколюбиво всячески заботилась о несчастных неизлечимых. И вот сама она заболела, и хотя проводывали её самые опытные из врачей, все они в один голос утверждали, что недуг её не представляет никакой опасности. А она, не слишком доверяя обманчивому суждению врачей, настояла, чтобы к ней непременно привели Филиппа.

Он пришёл и много беседовал с нею о духовных предметах, затем омочил палец в святой воде, начертал ей на лбу знамение Креста, а затем, посоветовав непрестанно размышлять о Страстях Господних, удалился. Однако, выходя из дому, он случайно столкнулся с врачами и молвил им: «А Оринтия-то тяжело больна!» Услышав это, все рассмеялись. На что Филипп им: «Вот вы смеетесь, а я заверяю вас, что в такой-то день она умрёт!» – и это было встречено с ещё большим смехом. Однако предсказание отнюдь не преминуло сбыться: именно в тот самый день, что он предрёк, Оринтия испустила дух.

[384] Елена Чибо и муж её Доменико Мадзеи заболели одновременно, поэтому Тамирия Чеули, мать Элены, поспешила к Филиппу и горячо просила его молитв о болящих, ибо, как она говорила, боялась, что лишится обоих одновременно. А святой молвил: «Отнюдь, отнюдь; одного из них достаточно». Как он сказал, так и стало, ибо

Доменико от той болезни умер, а Елена выздоровела и, отказавшись от мирских забот, приняла иноческий сан.

Виттория Чибо, родная сестра этой самой Элены, пришла к Филиппу, дабы очистить совесть в таинстве исповеди, а отец спросил её: «Когда ты в последний раз навещала свою сестру Винченцу? (Та жила в святой обители Торре-ди-Спекки). А та в ответ: «Давно уже». На что святой муж ей: «Что ж, почаще теперь её навещай, ибо она скоро умрёт». Прошло всего несколько дней после сих слов, и Винченца, обычно здоровая и крепкая, внезапно слегла с сильной горячкой и через восемнадцать дней умерла.

[385] Марчелло Ферро, собираясь в скором времени покинуть Рим, встретил Филиппа, и святой ему: «Как дела, Марчелло? Куда направляешься?» А тот сказал, что готовится к отъезду, так как обещал сие кардиналу Гамбаре, господину своему. Тогда Филипп, уставив на него взор, поднёс руку ко рту (он молился и явно сдерживал духовный порыв) и молвил: «Не уезжай, ведь скоро умрёт твой отец, и тебе не подобает его покидать, но быть при умирающем». Услышав сие, Марчелло остолбенел, ведь его отец Альфонсо был телесно здоров и полон сил, даже ещё не слишком стар. Однако он сразу поверил предостережению и решил не ехать. И так, невдолге Альфонсо впал в горячку и через пять дней – то есть на двадцатый день после Филиппова предсказания – преставился от сей жизни. Позже слуга Божий неоднократно говорил Марчелло: «Видишь, как важно было тебе остаться в Городе?»

В 1594 году, 1 августа, Алессандро Крешенци, будучи в добром здравии, пришёл к блаженному отцу. А отец ему и молвит сразу: «Готовься; ты скоро умрёшь». И предсказание сбылось: шестнадцатого числа того же месяца Алессандро расстался с жизнью.

Болеет Гуильельмо Букка, римлянин, а Филипп сказал его родному брату Джанфранческо: «Твой брат умрёт, но тебе не стоит скорбеть об этом, ибо так для него будет лучше». Ну а как он предсказал, так именно и случилось.

[386] [Похожий случай был] и с Вирджилио Крешенци, когда он заболел. Хотя поначалу ничто не предвещало никаких осложнений и опасности, однако Филипп, навещая его, прямо сказал его жене Костанце, что нужно принять волю Божию, и, услышав сие, она весьма взволновалась. Поскольку же ей была прекрасно известна святость сего мужа, она отдалилась с ним в другую часть дома и там без свидетелей кинулась ему в ноги, обливаясь слезами, упрасывая и заклиная его вымолить у Господа жизнь и здоровье для мужа. Но святой отец молвил: «На то воля Божия. Разве ты желаешь ему чего-то иного, помимо спасения души?» Когда затем, помимо самой Костанцы, дети её попросили о том же, святой с полнейшей откровенностью сказал, что так для его души будет лучше.

Мало того, вернувшись домой, Филипп несколько раз повторил Марчелло Вителлески, что не видит никакой возможности молиться за выздоровление Вирджилио, ибо изнутри его наполняет твёрдая убеждённость, что для спасения его лучше всего будет [умереть сейчас].

В итоге, когда больной был уже при смерти, а его сын Джакомо Крешенци пришёл за Филиппом, тот сказал: «Я точно знаю, почему Бог призывает твоего отца сейчас, и после его кончины я поведаю это тебе без утайки». Что затем и исполнил.

[387] Очень похожим образом он поступил, когда умирал Патрицио де Патрици. Ибо когда тот занемог, как думали, совсем пустячно, и, по суждению врачей, ничто не указывало на лихорадку, Филипп, однако, едва пришёл к нему, велел укрепить его Святым Причастием и привести затем все дела в порядок. В связи с этим жена Патрицио, немало раздражённая сей чрезвычайной поспешностью, воскликнула: «Этот старик бредит!» Да и сам Патрицио, хоть обычно был полностью Филиппу послушен, молвил: «Мне тоже кажется, что на этот раз отец слишком уж торопится». События, однако же, показали, насколько необходима была спешка, поскольку, как только Патрицио благочинно принял церковные таинства и устроил дела, он немедля преставился от жизни. Ну а поскольку сей муж многославный ещё славнее был своей христианской добродетелью, Филипп так почитал его святую жизнь и нравы, что после его смерти даже вверял себя его молитвам.

[388] Дезидерио Консальви из доминиканского ордена тяжело мучился смертоносной лихорадкой, сопровождавшейся бредом, и все уже отчаялись в его выздоровлении; а в то самое время и в той же обители болел – не так, впрочем, тяжело – Франческо Бенчини, из того же ордена. Филипп навестил их обоих, но сначала подошёл к Бенчини и молвил: «Он наверняка умрёт», – а после поднялся к Консальви и, возложив на ему на голову руки, тут же привёл его в сознание. Затем молвил: «Не теряй надежды – поправишься». На что тот: «Надежда моя на тебя, отче; молись за меня и о здоровье моём!». Наконец перед уходом Филипп добавил: «Держись, ты точно поправишься». И не вотще прозвучало сие обещание, ибо Консальви вопреки всеобщему мнению выздоровел, а Бенчини по прошествии нескольких дней почил.

[389] Наконец, точно таким же образом он предсказал смерть кардинала Карла Борромея.

Так вот, когда Чекколино Маргаруччи, священник из Сан-Северино, принятый по ходатайству Филиппа в свиту одного святого кардинала, возвратился из Милана на нескольких месяцев в родные края и вознамерился, снова через посредничество Филиппа, испросить нечто у своего господина, блаженный отец прямо ему ответил, что отнюдь не стоит об этом хлопотать, поскольку в то время, пока он будет собираться в Милан, случится нечто такое, после чего ему незачем будет возвращаться к господину. Хотя поначалу Маргаруччи совершенно не понял смысла этого ответа, но прекрасно уразумел всё, когда, уже собираясь отбыть в Милан, получил весть о смерти святого кардинала. А между тем Филипп написал ему об этом за месяц до того, когда на болезнь св. Карла не было ни малейшего намёка. Затем, когда Маргаруччи приехал в Рим, Филипп, как только увидел его, спросил: «Разве тебе не было предсказано, что случится нечто такое, что избавит тебя от нужды возвращаться к своему господину?»

[390] Но чтобы никто не подумал, будто Филипп выступал лишь вестником смерти, весьма целесообразно будет рассказать и о тех, кому он предсказал выздоровление, хотя они уже стояли на пороге смерти.

Кардинал Франческо Сфорца страдал от гнилостной лихорадки и резких болей в животе; и уже миновало двадцать дней, в течение которых он мучился жесточайшими головными болями и тошнотой, пока не дошёл в итоге до того, что [в предвкушении смерти] он укрепился всеми таинствами Церкви, а сверх того был уже готов и собороваться. Между тем его мать, Катарина Сфорца, послала гонца к Филиппу, коему передала свечу с просьбою вымолить у Господа выздоровление кардиналу. А святой, немножко помедлив, вскоре велел ей успокоиться и заверил, что кардинал не умрёт. Что и подтвердилось на деле.

[391] Точно то же самое случилось с Микеле Меркати, врачом чрезвычайно выдающегося дарования и одним из самых дорогих святому мужу людей. Хотя тяжёлая болезнь чуть не свела его в могилу, Филипп непрестанно вновь и вновь повторял его отцу, Пьетро Меркати: «Не сомневайся, твой сын будет жить». Когда же тот позднее не без глубокой скорби сказал: «Ну видишь, отче, до чего дошло: ему остались считанные мгновения!», Филипп возразил: «Разве тебе ещё не было предсказано? Не сомневайся, он не умрёт. Знай: Бог ещё не призывает его, но оставляет с нами на некоторое время». Так и произошло: оправившись от болезни, он прожил ещё одиннадцать лет и стал врачом Климента VIII; а в итоге Филипп предсказал ему смерть, точно так же, как прежде – жизнь.

Заболел Джамбаттиста Альтовити, причём столь тяжело, что все врачи уже в нём отчаялись, однако святой помолился Богу о его исцелении. Затем, призвав Таруджи, он молвил: «Поди к Джамбаттисте и скажи от моего имени, что он не умрёт, а завтра будет чувствовать себя лучше». И случилось именно так, как было предсказано.

[392] Бартоломео Дотти из Модены страдал от непрекращающейся лихорадки и дошёл до того, что, приведя в порядок все свои дела, уже готовился к смерти, а его домочадцы бодрствовали при нём. Поскольку же он занимал какую-то должность в Апостольском дворце, доход от которой поступал только при жизни, его племянник пришёл к Филиппу и горячо просил его вознести молитвы к Богу за исцеление дяди, ведь со смертью его [семья] лишилась бы должности и доходов от неё не без великого ущерба для хозяйства, а он уже рассчитывал, что эта должность перейдёт к нему [при жизни дяди]. На что святой муж молвил: «Ступай, ибо ныне твой дядя выздоровеет, но какая бы болезнь его ни поразила впоследствии, она непременно окажется смертельной. А с должностью ничего не выйдет». Короче говоря, Дотти выздоровел, спустя четыре года вновь заболел, умер, а вместе с ним была потеряна [для семьи] и его должность.

[393] Олимпия дель Неро, жена Маркантонио Вителлески, пылала в столь страшной лихорадке, что за один день у неё случилось три приступа. Поэтому самые опытные врачи утратили всякую надежду на её исцеление, и даже Джироламо Корделла открыто заявил, что с тех пор, как он приступил к занятиям медициной, ему попались только трое больных с таким же недугом, и никому из них не удалось помочь никакими лекарствами. Однако Филипп велел всем хранить мужество и сказал, что попытается уговорить Бога, дабы не случилось так, чтобы, лишившись превосходной родительницы, пропала куча детей да и всё семейство. И не тщетным оказалось его обещание, ведь с того дня Олимпии стало лучше, а спустя несколько дней она полностью выздоровела.

[394] Когда Джироламо Памфили ещё не получил кардинальского сана, а был аудитором Римской Роты, заболел он смертельной болезнью. Филипп навещал его ежедневно, утром и вечером, а однажды, побуждаемый Духом Божиим, крепко обхватил его голову руками и, сотрясаясь, как обычно в таких случаях, помолился малость, а затем молвил: «Будь спокоен, не сомневайся; пока отнюдь не умрёшь». Итак, с того дня он пошёл на поправку и спустя совсем не долгое время выздоровел и окреп.

Тот самый кардинал свидетельствовал, что то же произошло с его племянником Алессандро. Когда он чрезвычайно тяжело болел и уже не оставалось никакой надежды на его исцеление, Филипп пришёл к нему и, возложив на него реликвии каких-то святых, помолился немножко, а затем, как обычно, молвил: «Бояться нечего». И едва прозвучали эти слова, больной сразу почувствовал облегчение и вопреки общим опасениям выздоровел.

[395] Однажды блаженный отец пришёл к Фаустине Ченчи, жене Карло Габриэлли, в исцелении которой врачи уже отчаялись. Возложив ей на голову руки, он помолился Богу, а затем сказал: «Не сомневайся: ты не умрёшь». На что она молвила: «Для меня уже все кончено». Отец снова: «Будь спокойна: заверяю тебя, что сейчас ты отнюдь не умрёшь». И обещание оказалось не тщетным, ибо через несколько дней она выздоровела.

Костанца дель Драго также оказалась почти на пороге смерти, когда слуга Божий, придя к ней, молвил: «Не сомневайся, в скором времени ты явишься в церковь св. Иеронима». Так именно и случилось: более того, благодаря этому случаю, она стала исповедоваться у Филиппа.

Ещё и жена Франческо Букка, римлянина, находилась на грани смерти, и уже пригласили тех, кто должен был вынести ее тело. Между тем, явился Филипп и, приложив к умирающей реликвии святых, малость помолился за неё Господу. Затем он обратился к мужу и молвил: «Жена твоя не умрёт». И слово сие исполнилось к изумлению всех, кто только что видел её в предсмертном состоянии.

[396] Джанантонио Луччи, о котором уже не раз говорилось, по дороге в Рим, упав с лошади, сильно разбил голову, вывихнул лопатку и едва не умер прямо на месте. Ему было уже за шестьдесят, у него началась горячка, отчего, по мнению врачей, состояние его было весьма опасным. Итак, сходили за Филиппом, и когда Луччи увидел его, то, исповедавшись, попросил его вознести Богу молитвы о его исцелении, ведь хоть он и не боялся смерти, однако хотел привести свои дела в порядок, как прежде намечал. Ну и святой тогда крепко обнял его и сказал: «Не сомневайся, всё устроишь, как хотелось; и времени хватит, чтобы надлежащим образом составить завещание». В тот же миг больному стало лучше, а затем, вопреки всем ожиданиям, через несколько дней он оказался совершенно здоров и пережил даже самого Филиппа.

[397] Почти то же самое слуга Божий сказал Джанфранческо Бернарди, пресвитеру Конгрегации. Он уже принял таинство елеосвящения и, казалось, вот-вот должен был умереть, однако, как предсказал Филипп, вопреки всем ожиданиям выздоровел.

Также и Аньезине Колонне, женщине столь же знатной, сколь и благочестивой, в чьём исцелении все уже отчаялись, он молвил: «Не сомневайся, ты не умрёшь», и вышла так, как было предсказано.

Однажды блаженный отец пришел к Джамбаттисте Кривелли, тяжело страдавшему от лихорадки, а поскольку тот боялся [нового] приступа, Филипп сказал ему: «Не сомневайся, он не повторится», и, как он сказал, лихорадка оставила больного.

Итак, каждый, кому Филипп предсказывал выздоровление, обязательно поправлялся, даже когда врачи уже не оставляли надежды, даже при последнем издыхании. И наоборот, если он утверждал о ком-то, что тот умрёт, то, даже если болезнь его была легка и никакая опасность ему по-видимому не грозила, таковой обязательно умирал.

Поэтому Монте Дзадзара оставил свидетельство, что не раз имел в приюте многих с самыми тяжелыми заболеваниями, исход которых всегда оказывался именно таким, как предсказывал Филипп.

[398] Помимо этого, слуга Божий, движимый божественным вдохновением, предчувствовал и предвозвещал события всякого рода.

У Сульпиции Сирлети, жены Пьетро Фочиле, о которых прежде упоминалось, была четырехлетняя дочурка. И вот, когда она опасно заболела, Сульпиция вместе с мужем явилась к Филиппу в обитель св. Иеронима и слёзно просила вымолить здоровье их дочке единственной. А он ей и молвит: «Успокойся, Бог призывает её. Довольствуйся тем, что ты вскормила её для Бога». Поскольку же, несмотря на это, родители продолжали скорбно просить, он молвил: «Идите, Господь непременно услышит вас и даст вам такого сына, что вы пожалеете о своей просьбе». И действительно, спустя два года у них родился сын, который затем, повзрослев, нестерпимо огорчал родителей до конца их дней.

Элена Чибо, о которой говорилось чуть выше, при приближении родов позвала Филиппа и, исповедавшись, попросила его быть восприемником, когда будут омыwać в святой купели то чадо, что ей предстояло произвести на свет. А святой ей на то: «Никакого крёстного не понадобится». На следующую ночь Элена родила мёртвого ребенка, и слова Филиппа сбылись.

[399] Пьерпаоло де Петри был светским братом Конгрегации. И вот однажды его отец, выиграв в кости уйму денег, начал так и эдак уговаривать сына покинуть общину, рассчитывая с помощью этих средств расширить в конце концов своё хозяйство. Итак, чтобы избежать навязчивых отцовских уговоров, Пьерпаоло по совету священников Оратория задумал отправиться в Неаполь. И вот вечером он попросил у Филиппа разрешения на отъезд и благословения. А тот ему молвит: «Ступай, коль отцы так решили». Однако затем перед сном он поручил одному из наших светских братьев придержать Пьерпаоло. Наутро он встал с намерением отправиться в путь, но тут явился к нему посланник от Филиппа, который от его имени запретил уезжать. Он подчинился и сразу же явился к блаженному отцу, а тот ему: «Не сомневайся, – поведал, – сын мой: Бог окажет тебе помощь». Что ж, не минуло и трёх месяцев, как везучий игрок проиграл в кости свой выигрыш и больше в связи с тем сыну не докучал

[400] Олимпия дель Неро, о которой мы упоминали несколько выше, родивши семь дочерей, очень желала потомства мужского пола. С великою верой она обратилась к Филиппу и молвила: «Послушай-ка, отче, у меня уже семь дочерей!» На что святой ей: «Не сомневайся, больше женщин ты не родишь». Когда же она затем произвела на свет трёх мальчиков, и ей показалось, что детей становится чрезмерно много, она снова пришла к Филиппу и поведала: «Трое мальчиков у меня, отче». Тогда он молвил ей: «Ступай, больше ты не родишь ни сыновей, ни дочерей». И так оно в точности и вышло.

[401] Посетил однажды святой муж обитель Торре-ди-Спекки – и вот встречаются его там четыре монахини и проводят в свою старую церковь. Между тем, Филипп обратился к одной из них (была то Порция Каподзукки), молвив: «Прилежи молитве». А она: «Никак не могу, отче: обязанности препятствуют, полно дел у меня». Тогда заговорила Мария Магдалена Ангуиллара [, другая монахиня]: «А я, отче? Я ведь и молюсь без прилежания, и, насколько мне известно, ничего доброго не делаю...» На что святой тут же в ответ: «Так, значит, не знаешь за собой никаких добрых дел? И всё же ты станешь настоятельницей. Поэтому ныне тебе нужно прилежно молиться, ведь когда ты будешь руководить другими, у тебя это не получится». Сие услышав, все рассмеялись, ведь Ангуилларе было всего около двадцати лет, поэтому до такой должности ей было ой как далеко. Филипп, однако, настаивал: «Ну, посмейтесь, посмейтесь, а потом скажете: 'Филипп говорил!'" Затем и самой Ангуилларе молвил: «Ты тоже смеёшься? Помни, что это тебе сказал Филипп».

Позднее, когда прошло аж сорок лет, настоятельница той обители, Джиролама Таски, почти ослепла на оба глаза и решила, отказавшись от должности, уступить место другой. И так на общем собрании всех уполномоченных выбрать настоятельницей единодушно объявили Ангуиллару. Тогда-то им и пришло на ум, что давнее предсказание Филиппа исполнилось вопреки всем ожиданиям, ведь Таски ни возраст не тяготил, ни здоровье, так что, если бы ей не помешала слепота, она, по-видимому, и далее исполняла свою должность, которая при иных обстоятельствах является пожизненной.

[402] Маркантонио Колонна и его жена Феличе Орсина были весьма встревожены и озабочены тем, что их сын Фабрицио оставался бездетным, поэтому Анна Борромео, жена этого Фабрицио и родная сестра святого Карла, жившая согласно наставлениям Филиппа, ходила к нему и раз за разом упрашивала вымолить для неё у Господа дар чадородия. И вот муж святой неожиданно для неё сказал: «Будь спокойна, Анна, ибо вскоре родишь двух сыновей». На следующий же год она родила сына, которому было дано имя Маркантонио, а затем через год ещё одного, названного Филиппом, причём благочестивейшая дама открыто и прилюдно заявляла, что стяжала от Бога их по заступничеству блаженного отца, и даже величала их его детьми.

[403] Томмазо Минербетти и Пьерантонио Морелли пришли однажды к Филиппу по совету Франческо Бенчи, мужа из Общества Иисусова, выдающегося как благочестием, так и учёностью, ведь оба решили оставить мир и вступить в ряды духовенства. Тогда блаженный отец находился в обители Милосердия и, выйдя за порог своей комнаты, увидел их и спросил, чего они хотят. Тогда первым молвил

Морелли: «Я мечтаю стать монахом». Затем, обратившись к другому, Филипп спросил: «Ну а ты что намереваешься делать?» «А я, – был ответ, – постановил заняться науками и стать священником». Тогда святой, приподнявшись на цыпочках и легонько стукнув Томмазо тростью по голове, молвил: «Нет, ты священником не будешь», а другому: «И ты монахом не станешь».

В итоге Томмазо, хотя вскоре и вступил на путь ко священству и долго упорствовал в этом намерении, всё же, достигнув зрелого возраста, связал себя узами брака; Морелли же, несмотря на все попытки стать монахом, так, однако, и не смог этого добиться – зато стал священником и оставался в этом сане до самой смерти.

[404] Когда моденский воевода Оттонелло Оттонелли прибыл в Город, чтобы похлопотать насчёт основания некоего монастыря для посвящённых Богу дев, в чём он столкнулся со многими трудностями, Джерманико Фидели привёл его к Филиппу, чтобы тот помог ему своими молитвами пред Богом. И как только святой увидел его, то, обратившись к каким-то стоявшим рядом священникам, поведал: «Это брат ваш». Затем спросил Оттонелло, кем он себя считает.

«Военным», – ответил тот. А отец возразил: «Нет, ты не военный, а их брат». И, простерши над его головою десницу, благословил его.

В то время он был женат, имел много детей и был полностью занят военным делом. Однако немного позднее он потерял жену и почти всех детей, а оставшиеся в живых дочери посвятили себя в духовном браке Христу. Таким образом, разрешившись и освободившись от мирских забот, он, вдохновлённый божественной благодатью, начав со службы ризничего, стал в конце концов священником.

[405] В 1576 году четверо пресвитеров Конгрегации были отправлены самой Конгрегацией в Милан. И тут вдруг Филипп, вызвав Таруджи, приказал ему немедленно написать им письмо с требованием как можно скорее вернуться в Рим. Когда тот осторожно возразил, что внезапный их отъезд вызовет недовольство у многих миланцев, и прежде всего потому, что они оставят едва начатое дело незавершённым, святой сказал: «Не упорствуй, исполняй что сказано, и чётко им пропиши, чтобы незамедлительно возвращались к нам».

Как только отцы получили это письмо, в Милане внезапно вспыхнула чума, которую прежде ничего не предвещало. Им пришлось уезжать в такой спешке, что двое из них, столкнувшись с множеством трудностей в пути, едва добрались в итоге до Города.

[406] Некий пресвитер получил от Папы почётную церковную должность. Однако прежде чем был издан соответствующий указ, Верховный понтифик умер, а один куда более знатный и влиятельный придворный стал всячески мутить воду и препятствовать этому назначению, поэтому пресвитер, почти отчаявшись в успехе, дошёл в конце концов до того, что стал задумываться, не убить ли своего противника, хотя продолжал при этом мессы служить и службу часов читать.

Между тем, он зашёл в нашу церковь вместе со своим братом и, воздав поклонение Вышнему, бросил взгляд на Филиппа, который сидел неподалёку, выслушивая исповедь. И хотя он даже в лицо его не знал, однако, почувствовав, что влечёт его к нему какая-то таинственная сила, бросился к его ногам без единого слова. Тогда

святой, потрепав его за левое ухо и ласково погладив по голове, спросил: «Тяжкое искушение мучает, а?» – «Да такое тяжкое, отче, что я уже готов совершить тяжкое преступление, — ответил тот и открыл ему свою душу. А отец ему: «Уповай, сынок, через пятнадцать дней ты будешь в покое». Услышав это, пресвитер избыл грехи свои в таинстве исповеди и ушёл.

Едва истекло пятнадцать дней, как он вдруг встречает своего противника на улице. Тот сам подошёл к нему и молвил: «Ты победил, ибо моего покровителя и защитника сместили с должности». Тогда-то пресвитеру вспомнилось, что Христов слуга недвусмысленно предсказал, а когда затём всё благополучно устроилось, он возблагодарил Подателя всяческих благ, а на Филиппа стал взирать с почтительным страхом как на существо сверхчеловеческое.

[407] Подобное случилось и с Орацио Риччи, рыцарем Иерусалимским (*мальтийским. – прим. пер.*), приближённым кардинала Федерико Борромео, ибо он (как это часто бывает при дворе) был не на шутку ославлен со стороны нескольких завистников. И вот, выйдя из дому на рассвете, он натолкнулся на Филиппа, который тут же спросил: «Куда направляешься?» – «Прогуляться, – ответил тот, – а что, отче?» А святой ему: «Пойдём-ка!», – и повёл его к аудитору Апостольской палаты (то был Орацио Боргезе, родной брат папы Павла V), с которым Филипп должен был обсудить чрезвычайно важное дело. Поскольку же они пришли слишком рано, им пришлось долго ждать приёма. Поэтому святой муж, чтобы скоротать время, стал читать, а Риччи томился и душевной тоскою, и скукой от долгого [пребывания на одном и том же] месте, он уже не мог больше терпеть, однако не осмеливался попросить разрешения уйти. Тогда Филипп взял его за руку и, устремив на него пристальный взгляд, молвил: «Не сомневайся, никаких неприятностей не случится: всё сложится для тебя прекрасно. Вот посмотришь!» От этих слов Риччи дивным образом воспрянул духом и твёрдо уверовал, что, как предсказал слуга Христов, всё окончится для него благополучно. И не ошибся, ведь спустя пятнадцать дней оный бессовестный клеветник был изгнан из дома владыки, а сам Риччи не только не утратил расположения своего господина, но даже, по его же ходатайству, был принят в число папских камергеров.

[408] Доменико Ридольфи, из святого ордена регулярных клириков, в год Спасения 1580, отправленный своим начальством из Неаполя в Кремону, заехал в Рим, где, наслышавшись о Филипповой святости, явился к нему и застал его в храме: он сидел в исповедалне. Итак, Ридольфи подошёл ближе и, облобызав слуге Христову руку, с почтением его приветствовал. А святой молвил: «Езжай дальше – туда, куда посылает тебя святое послушание, и всем сердцем посвяти себя спасению душ. Знай при этом, что впоследствии ты будешь возведён в епископский сан, чтобы ты ещё старательнее трудился на этом поприще. Имей, впрочем, вот что в виду: на этом пути ты подвергнешься смертельной опасности, однако с помощью Бога и Его Пресвятой Матери, хоть и с трудом, всё же выберешься из неё цел и невредим».

Итак, Ридольфи отправившись в Кремону, а когда добрался до Альп, возвышающихся над флорентийскими землями, и попытался пересечь ров, наполненный грязью, то вместе с конём погрузился в неё по шею. Все его спутники в страшном смятении, думая, что он вот-вот погибнет, стали читать литании (*solennibus Ecclesiae precibus*), вверяя душу его Богу и всем силам небесным. Между тем, очутившись в столь

великой беде и опасности, Ридольфи вдруг вспомнил слова, что недавно слышал от Филиппа, и с великим упованием призвал его на подмогу. И не напрасно: он мгновенно почувствовал, что его руки и плечи высвободились, а в конце концов полуживой выбрался из глубокой и вязкой трясины. Ну а коня пришлось вытаскивать верёвками, впрягши четверых волов.

Так вот, избавленный в столь страшной опасности, он всецело посвятил себя спасению душ, а получив в итоге от папы Павла V назначение епископом Орийским, окончательно убедился, как сбывается предсказание Филиппа. Ну а из долгих наблюдений наших собратьев стало ясно, что всё, что говорил Филипп (хоть бы сказанное, как могло показаться, случайно), непременно сбывалось – и в точности так, как он предрекал. И это мы наблюдаем даже после его преставления, ведь многое из того, что он некогда либо в ясных словах, либо в загадочных намёках предвозвестил, исполнилось и ежедневно исполняется, причём у нас на глазах.

ГЛАВА XXVIII. КАК ФИЛИПП ПРЕДВОЗВЕЩАЛ МНОГИМ ВЫСОЧАЙШИЕ ДОЛЖНОСТИ, А ТАКЖЕ СОБЫТИЯ, ИМЕВШИЕ ПРОИЗОЙТИ В ЕГО ОТСУТСТВИЕ И НА БОЛЬШОМ ОТ НЕГО ОТДАЛЕНИИ

[409] Кроме прочего, Филипп предчувствовал и с полнейшей откровенностью предсказывал многим возвышение до высших санов.

Однажды у него собрались несколько юношей, среди которых были Пьетро Альдобрандини, Джакомо Крешенци и Марчелло Вителлески, и тут неожиданно слуга Божий подозвал Пьетро и велел ему передать товарищам сии слова: «Филипп велит мне сообщить вам, что вскоре вы будете обращаться ко мне «Ваше Высокопреосвященство», как подобает величать кардиналов, и что попасть ко мне на приём вам будет уже не так легко». Пьетро покраснел, услышав это, но, поскольку чрезвычайно почитал Филиппа, тут же послушался. И недолге, после того, как скончался Верховный понтифик Иннокентий, на его место был избран кардинал Ипполито Альдобрандини, дядя Пьетро, а сам он затем, как и было предсказано, стал кардиналом.

Мало того, как тот же [Пьетро] Альдобрандини ещё при жизни папы Иннокетия навестил болевшего блаженного отца, тот молвил: «Видишь, до чего я в итоге дошёл? Придётся мне в скором времени обращаться к тебе по титулу «Ваше Высокопреосвященство».

[410] Однажды к слуге Божию пришёл Джанфранческо Альдобрандини, супруг племянницы папы Климента VIII и главнокомандующий армии Святой Римской Церкви. Он увидел в комнате святого два кардинальских герба, нарисованных на бумаге и прикрепленных к стене, между которыми были начертаны два черепа, и попросил блаженного отца открыть тайну сего изображения. А тот сначала ничего не ответил, но после повторной просьбы, как бы шутя и забавляясь, сказал: «Да разве не понятно, что после моей смерти двое из моей конгрегации станут кардиналами?» Ну и так и случилось, как он предсказал, ибо спустя несколько месяцев после его кончины Таруджи и Бароний, священники конгрегации, были возведены в кардинальское звание.

Надо заметить, что блаженный отец вывесил эти гербы на всеобщее обозрение за три года до того, как преставился от сей жизни, да и кроме того, о возведении своих учеников в кардиналы он упоминал в разговорах с Паоло Рекуперати, а также многими другими, чаще же всего – с Франческо Нери из Общества Иисусова, который даже допытывался у него, не будет ли позднее Бароний избран Верховным понтификом, а отец ответил, что этого не случится. Поэтому, когда по кончине папы Климента состоялся конклав, и все ставили на одного лишь Барония, Франческо Нери настаивал, что его не выберут, поскольку сему противоречило Филиппово пророчество.

[411] Кардинал Джироламо Панфили оставил вот какое свидетельство о том, как получил кардинальский сан:

«Когда я, как обычно, пришёл к блаженному отцу на исповедь, он лежал на одре болезни. «Ты ведь хочешь, – молвил он, – быть кардиналом, не так ли?» Я же ему: «Отнюдь, даже не думаю!» А он: «Ты непременно станешь кардиналом». Тогда я с улыбкой: «Ну и кто же, спрашивается, по твоему мнению, меня возведёт в сие достоинство?» На что блаженный отец повторил дважды: «Уверяю тебя, ты станешь кардиналом».

И действительно, когда я меньше всего мог этого ожидать, и без каких-либо заслуг с моей стороны, это по милости Божией произошло. Посему я приписываю это назначение молитвам святого Филиппа».

Таково [свидетельство Джироламо Панфили].

[412] Кардинал Инноченцо дель Буфало собственноручно написал о себе следующее:

«В году спасения нашего, если я правильно помню, 1593-м отец Филипп часто утверждал, что я буду удостоен сана каноника Ватиканской базилики. Поскольку же я совершенно не представлял, каким образом это может случиться (ведь Понтифик, насколько я мог судить, даже не знал меня в лицо), то лишь смеялся над такого рода предсказаниями, и чем настойчивее он утверждал это, тем меньше я верил его словам.

Однако в августе 1594 года кардинал Пьетро Альдобрандини неожиданно вызвал меня и поведал, что Понтифик назначил меня каноником Ватиканской базилики».

Далее кардинал Инноченцо пишет:

«Итак, когда я выказал при блаженном отце изрядную радость из-за такого невероятного события, он молвил: «Это ещё ничто, ведь сей Понтифик сделает тебя кардиналом». Услышав такое, я не смог удержаться от смеха, ибо считал, что уж это никаким образом и никогда не может случиться. Но отец упорно повторял мне это каждый день.

Позднее, когда исключительно по милости Божией я был возведен в кардиналы, я поведал, что именно это предсказание Филипп многократно повторял моей сестре Сильвии. Поэтому, когда однажды до Города дошла весть о том, что во Франции я чрезвычайно тяжело заболел, она, полная благой надежды, смело говорила, что

прежде получения кардинальского звания гибель мне не грозит, ведь так Филипп предсказал».

[413] Кардинал Франц фон Дитрихштейн также оставил свидетельство о случившемся с ним.

«Когда давным-давно в юности я жил в Городе и служил при внутренних покоях у папы Климента VIII, кардинал Пьетро Альдобрандини привёл меня однажды в Валичеллу к отцу Филиппу Нери. Когда же блаженный старец увидел, как я вхожу в его келью, он сразу удалился в её внутреннюю часть, достал из ларца кардинальскую биретту, довольно-таки старенькую, с улыбкой водрузил её мне на голову и молвил: «О! Какой прелестный кардинал». Я же, совершенно не зная о его святой жизни и пророческом даре (*divinumque lumen*), подумал, что он говорит это в насмешку надо мной, и потому несколько разозлился, однако моя стыдливость, его старость и присутствие других сдержали закипавший во мне гнев. И вот невдолге события подтвердили слова Филиппа и обнаружили предосудительность моей злости, которую и я сам осуждаю, а во славу святейшего мужа сообщаю о происшедшем, подкрепляя собственноручной подписью».

[414] Что же до папства, то когда Святой Престол оказывался вакантным, отцу то во сне, то наяву казалось, что он слышит имя будущего Понтифика.

За несколько дней до того, как Понтификом был возведён Пий, пятый с такими именем, слуга Божий выходил из обители Милосердия и тут, подняв глаза к небу и глубоко вдохнув, как это было ему свойственно, близкий к восхищению вовне себя, сказал: «В понедельник будет Понтифик». Услышал сие среди прочих Марчелло Ферри, который позднее, гуляя с Филиппом по Городу, с дружеской непринуждённостью попросил (раз уж, по его словам, в скором будущем состоятся выборы) прямо назвать будущего Понтифика. Филипп ему тут же: «Что ж, от тебя не хочу скрывать: Понтификом будет кардинал Александрино, и это без сомнения произойдёт в понедельник вечером». И случилось именно так, как предсказал святой муж. Что выборы пройдут именно так, Филипп немного ранее предвозвещал и некоторым другим.

Позднее, по преставлении папы Пия, тот же Марчелло, памятуя о прошлых пророчествах, снова и снова допытывался у блаженного отца, кто же будет Понтификом. На что тот спросил: «А кого людское мнение прочит на эту должность?» – «Кто кого, – ответил Марчелло, – по большей же части – кардинала Джованни Мороне». А Филипп на то: «Отнюдь не Мороне, а Бонкомпаньи объявят Понтификом». В итоге избран был именно он и принял имя Григория XIII.

[415] После кончины папы Сикста V кардинал Никколо Сфондрати пришёл к блаженному отцу, а он, как только услышал о его прибытии, немедленно послал кого-то сообщить ему, что вскоре спустится в приёмную и там с ним побеседует. И вот, когда они оба сошлись в том помещении, и там оказались Пьерпаоло Крешенци (который позднее был возведён в кардинальское звание), его брат Джакомо, Марчелло Вителлески и другие, Филипп неожиданно, прежде чем заговорить с кардиналом, приказал всем поочерёдно поцеловать ему ноги, что и было исполнено без малейшего возражения — таково было к нему всеобщее почтение.

На следующий день, когда тот же кардинал пришёл в нашу церковь, Франческо делла Молара тут же помчался к Филиппу и возвестил, что в храме находится кардинал Сфондрати. На что святой: «А, тот папа, да?» Мало того, ещё при жизни Сикста Филипп разными способами намекал на то же самое, особенно в год перед тем, как Сикст покинул сей мир. Когда упомянутый кардинал явился к блаженному отцу, а в комнате оказался Марчелло Вителлески и другие, Филипп молвил Марчелло: «Достань-ка из шкафа ту старую папскую скуфью!» (её носил прежде святейший понтифик Пий V, и Филипп хранил её с великим благоговением). Взяв её в руки, святой водрузил её на голову кардинала и молвил: «Попробуй, пожалуйста, удобно ли она тебе?». И вот за выдающиеся достоинства его впоследствии возвели в сан Верховного понтифика с наречением имени Григория XIV.

[416] Мало того, Филипп не только предвидел выборы [каждого] очередного понтифика, он и само имя его заранее узнавал и провозвещал. Например, когда однажды кардинал Ипполито Альдобрандини вместе с кардиналом Агостино Кузано и другими прелатами направились в сады Курцио де Массими, где случайно оказался искавший уединения Филипп, Курцио, подступив к блаженному отцу, шепнул ему на ухо: «Мне хотелось бы, отче, исходатайствовать через тебя место на службе у кардинала Альдобрандини». А Филипп ему: «С величайшей охотой! Считаю, что дело сделано. Однако уверяю тебя: сей муж не умрёт в этом сане». И вот не прошло и четырёх месяцев, как он был возведён на престол Петров. Накануне же того события в присутствии нескольких своих учеников, а в частности Маркантонио Маффеи, святой совершенно открыто сказал: «Альдобрандини примет сан Верховного понтифика и наречётся именем Климента».

[417] Алессандро Медичи, который впоследствии был провозглашён Верховным понтификом Львом XI давно, ещё будучи мирянином и послом Великого герцога Тосканы при Папском дворе, получил от Филиппа ещё более подробное предсказание. «Ты, – поведал святой, – станешь сначала кардиналом, затем Понтификом, но совсем недолго им пробудешь». О том, что слышал это лично от Льва, свидетельствовал Джироламо Гетти, римлянин, инок Ордена отшельников св. Августина, который впоследствии прилюдно заявил о том в Городе, когда произносил похвальную речь о Филиппе после его причисления к лику святых, а кроме того, даже Верховный понтифик Григорий XV вполне ясно подтверждал то же самое. Например, когда однажды при нём зашла речь об этом случае, он заметил: «Подлинно, мы считаем, что это правда, ведь когда мы в давнюю пору исполняли обязанности аудитора Священной Роты и были допущены облобызать стопы сего Понтифика (Льва XI), он среди прочего сказал: «Мы не будем долго обременять вас, ибо не проживём долго».

Хотя Филипп благодаря внушению свыше и предвидел почти все выборы будущих пап, он крайне редко раскрывал их, если только на то не было важной причины, ну или разве что в шутку при доверительной беседе в кругу ближайших друзей. При этом он часто повторял, что отнюдь нельзя доверять снам и бесполезным откровениям, потому что за ними запросто могут скрываться бесовские обманы и уловки.

[418] То ещё было Филиппу даровано Богом, что события, свершавшиеся далеко и для чувств недоступные, он наблюдал так, словно они происходили перед его глазами.

Однажды в воскресенье к нему пришёл Цезарь Бароний, чтобы, как обычно, принять таинство исповеди, а святой, как увидел его, и молвит: «Ступай в приют Святого Духа и навести больных». А Цезарь в ответ: «Зачем туда-то, отче, они ведь уже пообедали и спят». «Ступай, говорю, – повторил Филипп, – и сделай что велено».

Итак, Цезарь послушался, пришёл в приют и обнаружил там несчастного, который лежал, покинутый всеми, и едва дышал. Мало того, он прибыл накануне, однако в неудачное время, из-за чего по халатности служителей его положили в постель без исповеди, а затем, когда болезнь обострилась, к нему, как обычно бывает при спешке, примчался священник и помазал елеем как умирающего. К нему-то и подошёл Бароний, разбудил умирающего, спросил, не желает ли чего-нибудь и все ли таинства Церкви принял. Когда же обнаружилось, что человек это не избыл грехов своих в исповеди, Цезарь позаботился, чтобы немедленно позвали священника, чтобы совершил это таинство. Итак, умирающий, благочинно исповедав грехи и укреплённый священным Напутствием, тут же преселился от сей жизни. Затем Цезарь вернулся к Филиппу и обо всём подробно ему рассказал. А тот ему: «Так вот, научись в дальнейшем слушаться без малейших возражений».

[419] Нечто весьма похожее на это случилось с кардиналом Франческо Мария Таруджи, о чём он сам и свидетельствует.

Так вот, в ту давнюю пору, когда он ещё был мирянином, пришёл он утром к Филиппу, чтобы, как обычно, очистить совесть, а тот первым делом спросил его о некой женщине, довольно благочестивой и набожной, которая посвятила себя служению неизлечимо больным женщинам в приюте св. Иакова. «Когда ты в последний раз её видел? – спросил отец. – Ступай, навести её, и тогда я тебя выслушаю, ибо сейчас меня гнетёт и мучает какая-то страшная тревога за неё».

Таруджи немедля пошёл и обнаружил, что она поражена смертельной болезнью и находится почти при последнем издыхании. Итак, он уделил умирающей последние христианские таинства и возвратился к Филиппу, который, несомненно, узнал о том не иначе, как свыше.

Нечто весьма подобное произошло и с одним военачальником, духовным сыном святого. Ибо однажды утром слуга Божий с величайшим беспокойством велел осведомиться о нём, и обнаружилось, что он тоже был при последнем издыхании, так что помощь блаженного отца оказалась для него столь же своевременной.

[420] Когда Антонио Фантини, о котором уже не раз говорилось, шёл к нашей церкви, некая женщина по пустячной причине выплеснула из окна полный таз воды, из-за чего он не на шутку рассердился. Затем же, вступив в храм, он подошёл к Филиппу, намереваясь омыться таинством исповеди. А святой тут же набросился на него с суровыми упрёками, в подробностях рассказав обо всём случившемся, что привело Фантино в полное изумление, ибо Филипп мог проведать о том не иначе как свыше.

Шёл однажды святой муж по Городу, а с ним изрядное множество его учеников, среди которых был и Марчелло Ферри. Когда же они подошли к Кампо-деи-Фьори, Филипп в исступлении духа поднёс руку к глазам и, подозвав к себе Марчелло, сказал: «Что за людей ты держишь у себя дома?» А тот ответил, что это знатные мужи, близко ему знакомые. «Будь в этом крайне осторожен, – возразил отец, – они затевают страшное зло. Если же не принять срочнейших мер, последует резня и убийство — позднее ты легко убедишься в этом». Услышав сие, Марчелло, охваченный тревогой и страхом, возвратился домой и, изливая молитвы, просил Бога по неизреченной милости Своей явить ему открыто то, что Филипп только что сообщил. Затем, поразмыслив об этом и тщательно понаблюдав за действиями тех, кто находился в его доме, он по несомненным признакам убедился в правдивости сказанного и осмотрительно позаботился о спасении своём и других.

[421] Паоло Рекуперати, которого мы уже не раз упоминали выше, вёл вечером уединённую беседу с другом. Когда же утром он пришёл к Филиппу, то не без изумления услышал от блаженного отца подробный пересказ всего, о чём он накануне вечером беседовал. И хотя он уже наверняка знал, что его друг не имел совершенно никаких дел со святым мужем, однако, дабы всё окончательно выяснить и разведать, решил лично переговорить с ним, а когда услышал от него, что он нигде никому и слова о том не проронил, с полной ясностью уразумел, что всё сие стало Филиппу ведомо исключительно по Божью откровению.

Когда Муцио Акиллеи, который ещё в молодости (как мы говорили) вверил себя наставничеству святого отца, заехал в родные края, он, будучи недостаточно смышлён, легко поддавался мечтам и пустым фантазиям и черпал в них некое духовное наслаждение. А святой, почуяв то силою свыше, вовремя позаботился о том, чтобы предостеречь его, дабы не двигался далее этим путём, подвергаясь бесовским обманам и прочим опасностям. Кроме того, он предостерёг его, чтобы впредь он в дальнейшем тщательно избегал некоего повода ко греху, в который по нерассудительности уже вовлёкся, а поскольку сие произошло в полной тайне, Филипп мог проведать о том лишь по Божью откровению, что Муцио впоследствии публично засвидетельствовал.

[422] Джамбаттиста Ламберти, неаполитанец, из письма отца узнал, что его дядя, человек довольно состоятельный, умирает в Мессине, а его записал единственным наследником; поэтому ему надлежит без малейшего промедления отправиться туда, чтобы вступить в права наследства. Прочитав письмо, он, как обычно, подался к Филиппу, рассказал ему обо всём и тут же стал на колени, чтобы пройти таинство исповеди. А святой отец взял юношу за ухо, преклонил его голову себе на грудь (в тот миг кающийся почувствовал некое дивное благоухание) и, вперив взор в него, молвил: «Успокойся, сынок; тебе нет нужды уезжать, ведь твой дядя оправился от болезни, а вскоре ты получишь от него письмо, в котором он выразит радость о твоём приезде в Город и пришлёт небольшой подарок в свидетельство своей любви». Джамбаттиста поверил словам Филиппа и, хотя уже собрался в путь, отказался от поездки. Вера его оказалась не напрасной: через неделю он получил от дяди письмо и подарок, как и предсказал Филипп. Поэтому он помчался к нему и рассказал ему о том, что случилось, а святой, помрачнев, всмотрелся в него и молвил:

«Воздай благодарение Богу, да не смей о том и пикнуть!» И Ламберти прилежно хранил молчание об этом до конца земной жизни Филиппа.

[423] Джованни Атрина, марсиканец, получил весть о смерти своей матери, а поскольку был он беден до крайности, то, спешно заказав за неё искупительную мессу, поспешил сразу затем к блаженному отцу, чтобы и у него испросить молитвенной помощи, однако скорбь так терзала его, что он не мог вымолвить ни слова, и лишь слёзы лились ручьями. Тогда святой ему молвил: «Ступай! Выдумки! С твоей матерью всё в порядке». А насколько слова сии были истинны, выяснилось через несколько дней, когда сыну передали от неё письмо.

Джулио Севере (как мы уже говорили), светскому брату нашей Конгрегации, направлявшемуся поутру к Филиппу на исповедь, тоже вручили письмо с извещением о кончине матери, хотя о том, что ей нездоровится, он прежде и слыхом не слыхивал. Итак, грустный и молчаливый, пришёл он к святому и опустился перед ним на колени. Ну а тот, в обычной своей шутиливой манере снял с себя биретту и надел её на голову Джулио, а затем накинул ему на шею чётки, что держал в руках, и молвил: «Не плачь, сынок, ведь твоя мать обрела место спасения. Радуйся же и ликуй!» Услышав это, Джулио, который никому ещё не сообщал о случившемся, пришёл в полное изумление, но, прекрасно зная святость сего мужа, так твёрдо поверил в истинность сказанного, что умерил с недавшую его скорбь по матери.

[424] Однако прежде, чем положить конец сей главе, стоит поведать о случае весьма небезынтересном и подобном тому, который великий Григорий рассказывает о святом Бенедикте, сиречь о том, как слуга нёс святому два кувшина с вином, один из которых по дороге припрятал, а св. Бенедикт (ведь он проведал о том по откровению Божию) обходительно и с любовью пожурил его.

Так вот, Марчелло Вителлески отправил святому в подарок два кувшинчика воды, настоящей на цветах апельсина, а слуга, который нёс их, по небрежности один из них разбил, а другой доставил Филиппу. На что тот, мило и ласково улыбаясь, сказал: «А скажи-ка на милость, ты ведь вылакал половину этой воды по дороге, не так ли?» Тогда-то слуга, смекнув, что уличён, рассказал о случившемся и, вернувшись домой, спросил господина, не сообщал ли он святому мужу о двух кувшинчиках, посланных ему, а в ответ услышал, что о том ему решительно ничего не было говорено. Так явственно обнаружилось, что Филипп всё это предузнал свыше.

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОРРР